

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. ИЗ АРХИВА С. А. МАКАШИНА (К 80-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ ИЗДАНИЯ)*

(ПУБЛИКАЦИЯ И ПОДГОТОВКА ТЕКСТА © А. Ю. ГАЛУШКИНА;

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ © А. Ю. ГАЛУШКИНА

ПРИ УЧАСТИИ © М. А. ФРОЛОВА; КОММЕНТАРИИ © М. А. ФРОЛОВА (РАЗДЕЛ 1)
И © А. Ю. ГАЛУШКИНА (РАЗДЕЛЫ 2—4))

В августе этого года исполнится 80 лет со дня основания «Литературного наследства». В июле 1931 года Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), изучив докладную Российской ассоциации пролетарских писателей и Института литературы и языка Коммунистической академии, разрешил выпуск нового издания.¹ Сама идея его — как и тексты докладных в ЦК ВКП(б), планы первых номеров и пр.² — почти исключительно принадлежали Илье Самойловичу Зильберштейну (1905—1988), который по праву считается *инициатором* издания. Честь же *создателя* «ЛН» как научного издания нового типа вместе с И. С. Зильберштейном безусловно и справедливо разделяет Сергей Александрович Макашин (1906—1989),³ известный российский ученый, доктор филологических наук,⁴ бессменный редактор, инициатор многих томов и начинаний «ЛН». Он пришел в «ЛН» не более чем на полгода позже И. С. Зильберштейна и, пережив своего соредактора лишь на полтора года, отдал «ЛН» почти 60 лет своей жизни.⁵

* Раздел 4-й выполнен при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Евгений Замятин: Новые материалы и исследования» (№ 10-04-00190а).

¹ Первое печатное упоминание о «марксистском историко-литературном журнале», выходящем в издательстве «Огонек», см.: *Кут А. [Кузузов А. В.] За высококачественную литературу об ударниках: (На секретариате РАППа) // Веч. Москва. 1931. 19 июля. См. также анонс: Сборники «Литературное наследство» // Известия. 1931. 29 авг.*

² Эти и другие материалы, сохранившиеся в фонде И. С. Зильберштейна в РГАЛИ (Ф. 3290, не разобран), готовятся нами к публикации; в частности, — в составе 1-й книги справочного тома 104 «Литературного наследства» (далее — «ЛН») «„Литературное наследство“ за 80 лет». Благодарю вдову И. С. Зильберштейна Н. Б. Волкову и руководство РГАЛИ за возможность ознакомиться с материалами этого фонда.

³ См. о нем: *Баскаков В. Н.* Сергей Александрович Макашин // *Русская литература. 1986. № 2. С. 253—254; Рев М. С. А. Макашин (1906—1989) // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1989. Т. 35, fasc. 3—4. 470—471. old.; Сергей Александрович Макашин. (1906—1989) // *Лит. наследство. Т. 97. Кн. II. С. 706—708; Туниманов В. А.* О Сергее Александровиче Макашине и его последней книге // *Русская литература. 1990. № 4. С. 170—175; Трифонов Н. К.* 85-летию со дня рождения С. А. Макашина // *Московский литератор. 1991. 1 марта; Ныколаев Д. П.* Макашин, биограф Щедрина // *Литературная газета. 1992. 9 дек.; Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 475—476. См. также биографическую справку «Фундаментальной электронной библиотеки»: <http://feb-web.ru/feb/person>.**

⁴ Степень присуждена в 1961 году в ИРЛИ honoris causa.

⁵ Л. К. Чуковская записывает в дневнике 9 ноября 1989 года: «На прошлой неделе умерли два человека: Наташа Роскина (от долгого рака) и почти одновременно С. А. Макашин (старше ее лет на 15—20). Ну, конец Серг(ея) Ал(ександрович)ча — это конец „Лит(ературного) Насл(едства)“» (сообщено Е. Ц. Чуковской).

Незадолго до кончины С. А. Макашин разобрал свой личный архив, особо выделив материалы «ЛН»; часть из них и составила настоящую публикацию,⁶ призванную представить некоторые из направлений и видов деятельности «ЛН».

Документы печатаются впервые по машинописным оригиналам и копиям из архива «ЛН» и фонда «ЛН» в Отделе рукописей и художественных иллюстраций ИМЛИ им. А. М. Горького РАН (ОРИХИ ИМЛИ).⁷

⁶ Большая часть личного архива С. А. Макашина, содержащего в том числе и материалы о работе в «ЛН», сдана в тверской Музей М. Е. Салтыкова-Щедрина и хранится ныне в Научном архиве Тверского государственного объединенного музея (НА ТГОМ. Ф. Р-13). Коллекция его документов находится и в Собрании рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва) — в составе фонда «Исследователи жизни и творчества Л. Н. Толстого».

⁷ Первый хранится в помещении Отдела «ЛН» в ИМЛИ РАН; второй составил фонд 575 (не разобран) указанного архивохранилища. Благодаря заведующего ОРИХИ ИМЛИ М. А. Айвазяна за возможность ознакомиться с материалами этого фонда. Копия первого из публикуемых документов см. также: НА ТГОМ. Ф. Р-13. Оп. 1. № 90.

1

С. А. МАКАШИН

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА НАУЧНОМ ЗАСЕДАНИИ ОЛЯ И ИМЛИ 3 ФЕВРАЛЯ 1982 ГОДА, ПОСВЯЩЕННОМ 50-ЛЕТИЮ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

Публикуемый ниже текст выступления С. А. Макашина подготовлен для торжественного заседания Отделения литературы и языка и ИМЛИ РАН по случаю 50-летия «ЛН».¹

Из всех юбилейных дат «ЛН» эта, несомненно, была отмечена с наибольшим размахом. Юбилею предшествовали и последовали статьи в научных и популярных изданиях.² На заседании в ИМЛИ председательствовал член-корреспондент АН СССР М. Б. Храпченко, с докладами, кроме И. С. Зильберштейна и С. А. Макашина, выступали главный редактор

¹ Дата проведения этого и некоторых других юбилейных мероприятий увязана не с 1931 годом, так как выход первого номера «ЛН» по цензурным причинам состоялся только весной 1932 года. По решению ЦК ВКП(б) публикация В. В. Буша «Марксисты 90-х годов в письмах к Н. К. Михайловскому» была выдрана из уже отпечатанного тиража и большая его часть появилась с недостающими страницами 165—185 и извещением: «По техническому недосмотру допущена неправильная нумерация страниц. Начало статьи Д. О. Заславского должно быть обозначено 165-й страницей, а отпечатано 185-й». Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) о «ЛН» от 5 марта 1932 года и материалы к нему см. в кн.: Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов. 1917—1956: Документы / Сост. Л. В. Максименков. М., 2005. С. 226—229.

Первый, 15-летний, юбилей «ЛН» был отмечен в 1947 году в Пушкинском Доме на заседании Ученого совета, см.: «Литературное наследство» // Вечерний Ленинград. 1947. 2 июля; Новые книги «Литературного наследства» // Литературная газета. 1947. 12 июля. Стенограмма: РГАЛИ. Ф. 3290 (не разобран). В Пушкинском Доме отмечалось и 25-летие «ЛН» в 1957 году, когда оно стало уже органом Отделения литературы и языка АН СССР, стенограмма: Там же.

² Баскаков В. Н. «Литературному наследству» — 50 лет // Русская литература. 1981. № 4. С. 201—216; Ломунов К. Уникальное издание: К 50-летию «Литературного наследства» // Вопросы литературы. 1981. № 12. С. 148—171; Никитин Е. Н. К юбилею «Литературного наследства» // Советская библиография. 1981. № 3. С. 54; Зильберштейн И. С. Золотой юбилей «Литературного наследства» / Беседа с А. Басмановым // Огонек. 1982. № 32. С. 22—25; Трифонова Н. «Литературному наследству» — 50 лет // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур. 1982. Вып. 7. С. 33—37; Щербина В. Р. «Литературному наследству» исполнилось 50 лет // Вестник АН СССР. 1982. № 7. С. 120—128.

«ЛН» В. Р. Щербина и Д. Д. Благой, с приветствиями и поздравлениями — директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС П. А. Родионов, профессор МГУ В. И. Кулешов, директор Института литературы АН Украинской ССР И. А. Дзевин, главный редактор журнала «Русская литература» В. В. Тимофеева, заместитель директора ЦГАЛИ И. П. Сиротинская, ученый секретарь ГБЛ А. В. Кокорев, заместитель директора ГМТ по научной части Б. М. Шумова, заместитель главного редактора журнала «Вопросы литературы» Е. И. Осетров и директор ИМЛИ Г. П. Бердников, также в заседании приняли участие Л. М. Леонов и секретарь Союза писателей СССР В. М. Озеров.³

Судя по аудиозаписи этого заседания, сделанной В. В. Радзишевским, выступлению С. А. Макашина предшествовало приветствие М. Б. Храпченко, развернутые доклады И. С. Зильберштейна и В. Р. Щербины, вследствие чего С. А. Макашину пришлось сократить свою речь почти на треть.⁴ Необходимо отметить, что ко времени этого выступления личные отношения И. С. Зильберштейна и С. А. Макашина были осложнены уже около 25 лет, и в макашинском выступлении этот факт нашел некоторое отражение.⁵ Однако публикуемый текст остается и сегодня единственным связным очерком истории «ЛН», принадлежащим к тому же одному из его создателей, и уже только по одной этой причине достоин внимания.

³ См. отчеты: «Литературному наследию» — 50 лет // Книжное обозрение. 1982. 5 февр.; То же: Литературная Россия. 1982. 12 февр. См. также: Каждый том — открытие: К 50-летию «Литературного наследства» // Литературная газета. 1982. 28 апр. В последней публикации со значительными сокращениями напечатаны тексты выступлений И. С. Зильберштейна, В. Р. Щербины и фрагментарно — текст С. А. Макашина.

⁴ Отдел устной истории Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова, № 844. Благодарю сотрудников Отдела Д. Б. Спорова и М. В. Радзишевскую, а также дочь С. А. Макашина Т. С. Макашину за разрешение использовать эти записи. Сведения о воспоминаниях С. А. Макашина см.: Краткие аннотации использованных в книге фонозаписей из фонда Д. Д. Дувакина / Сост. В. В. Кузнецов // Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Вступ. ст., подг. текста, сост. и комм. О. С. Фигурнова, М. В. Фигурнова. М., 2001. С. 521.

⁵ О редакции «ЛН», вспоминала С. В. Житомирская, «можно было бы написать еще один, подобный булгаковскому, „Театральный роман“: настолько сложившаяся издавна там ситуация оказалась похожа на притяжение и отталкивание двух отцов-основателей Художественного театра. (...) Скрытое и явное соперничество Зильберштейна и Макашина проявлялось во всем...» (Житомирская С. В. Просто жизнь. М., 2006. С. 348). С. А. Макашин выступал на похоронах И. С. Зильберштейна (см.: НА ТГОМ. Р-13. Оп. 1. № 73), текст этого выступления лег в основу некролога (см.: Литературная газета. 1988. 1 июня).

Так же, как у И. С. Зильберштейна полвека моей жизни, за исключением лет Великой войны, прошло в «ЛН».

В начале осени 1931 года А. В. Луначарский¹ — он знал меня по работе в «Энциклопедии», где возглавлял Отдел литературы, искусства и языка, а я был секретарем,² — сказал мне: «У Кольцова,³ в Журнально-газетном объединении затевается любопытное издание. Оно будет интересно для Вас. Сходите туда». И я пошел. Жургаз — так сокращенно звали это издательство — помещался на Страстном бульваре, 11, в небольшом особняке бывшего коньячного короля Шустова. Здесь произошло мое знакомство с И. С. Он сидел в указанной мне комнате за письменным столом и диктовал машинистке письма, готовя 1-й номер нового издания. Без малейших формальностей я был приглашен к участию в работе и сразу же окупился в нее с головой. Было мне тогда 25 лет.⁴

Прошедшие с того дня года — целая жизнь — дwoятся в моей памяти. С одной стороны, многое в них уже навсегда скрылось в дымке изжитого

или стало почти иллюзорным, то ли бывшим, то ли не бывшим. Вместе с тем иногда кажется, что «ЛН» началось совсем недавно, и тогда в сознании вдруг возникают самонаименованные детали полувековой работы, и вся она уплотняется до какого-то этапа малого срока.

Но сегодня у нас не вечер воспоминаний, а научное заседание. Попробую и я взглянуть на «ЛН» объективно, то есть осмыслить это явление — а «ЛН» это явление в советской культуре — исторически. 50 лет — это уже та мера времени, которая требует такого подхода и делает его возможным.

И здесь, прежде всего, возникает вопрос: вследствие каких общих обстоятельств и потребностей времени возникло «ЛН»? Автор личной инициативы известен — им был И. С. Зильберштейн. И это, конечно, его большая заслуга. Но «кесарю — кесарево, а Божие — Богови». Определяя взаимосвязь между субъективными и объективными факторами в движении искусства, Луначарский однажды сказал: «Каждая эпоха, каждая историческая минута нажимают на нужные им клавиши».⁵ Так было и с «ЛН», возникшим в 1931 году, т. е. всего через 13 лет после Великой революции и через 10 лет после окончания гражданской войны.

Появление тогда «ЛН» объективно отвечало, на мой взгляд, трем главным обстоятельствам, или велениям, времени.

Первое обстоятельство. Потребность тогдашнего советского общества, только еще складывавшегося, так сказать, оглядеться во времени, в эпохе и попытаться осмыслить произошедшие «неслыханные перемены, невиданные мятежи» (А. Блок) также и при помощи поучений истории. Середина 1920-х — начало 1930-х годов — это время повышенного интереса к публикациям документальных свидетельств ушедшего времени — мемуарам, дневникам, письмам. Это время основания В. Д. Бонч-Бруевичем Литературного музея⁶ и развернувшейся здесь под его руководством замечательной работы по собиранию писательских архивов и бумаг. Это время деятельности издательств «Academia» и братьев Сабашниковых, время появления «Красного архива», «Звеньев», выхода в свет многих сборников документальных материалов.⁷ Появление «ЛН» в это время не было ни изолированным, ни спонтанным.

Второе обстоятельство — оно прямо шло навстречу первому и, в свою очередь, «подпиралось» им — огромность открытой революцией документальных материалов в правительственных и дворцовых архивах самодержавия, а также в многочисленных частных собраниях, хранившихся в дворянских усадьбах и купеческих особняках. Эти архивные «монбланы» требовали систематической разработки. Этим и призвано было заняться, на своем участке, «ЛН».

Третье обстоятельство. В идеологическом движении времени «ЛН» отвечало тому этапу происходившей в стране культурной революции, который проходил под лозунгом «учебы у классиков», призванном противостоять нигилистическому пролеткутловскому и рапповскому отношению к культурному наследию прошлого.⁸

Раз возникнув и начав существовать, «ЛН», конечно, не стояло на месте, а находилось в движении, в развитии. Оно не сразу нашло свои теперешние методы, свою теперешнюю структуру и теперешний господствующий тип «монографических» томов — «персональных» и «проблемно-тематических». Вместе с тем нужно указать на одну, едва ли не важнейшую особенность «ЛН», которая, проявившись в самом начале, оказалась, несмотря на все свои последующие модификации, постоянной в деятельности издания, стала его константой. Я имею в виду то обстоятельство, что «ЛН» никогда не ставило себя в зависимость от самотека, но всегда само заботилось об ар-

живном текстово-документальном, а также иллюстративно-изобразительном обеспечении каждого планируемого тома издания. К этой работе мы, обычно, привлекали и привлекаем не только отдельных специалистов, но и создаваемые нами группы их, а в последние годы все чаще кооперируемся с научными коллективами целых учреждений, например, с Музеем Толстого при издании Дневника Маковского.⁹

Но инициатива и организация архивных поисков, а затем определение методов и форм эдиционно-текстологической и научно-исследовательской их разработки, как правило, принадлежат редакции и, уж во всяком случае, контролируются ею.

Когда в конце 1920-х гг. вышел в свет 1-й том первого издания Советской Энциклопедии, «Правда» отозвалась на это событие фельетоном Мих. Кольцова, озаглавленным «Важный кирпич»¹⁰ — т. е. «кирпич» в начавшемся строительстве первого энциклопедического свода знаний в освещении марксистско-ленинского мировоззрения.

«ЛН» пришло к своему золотому юбилею с целой библиотекой томов, о которых один из рецензентов патетически воскликнул: «Каждый том — открытие!»¹¹ Отправляясь от метафоры Кольцова можно сказать, что тома «ЛН» — это уже не отдельные «кирпичи», а целые «блоки» или «этажи» и даже здания в строительстве филологической, а также исторической науки на соответствующих их участках.

Общее значение и главные итоги полувековой деятельности «ЛН» очевидны: своими публикациями оно существенно расширило текстово-документальный фонд русской литературы и русской общественной мысли. Наглядное доказательство тому, во-первых, в неподдающемся учету количестве ссылок в научных трудах на «ЛН» и на обнародованные в нем первоисточники и, во-вторых, в том факте, что за годы существования «ЛН» нет ни одного научного собрания сочинений русской классики, которое в той или иной мере не было бы обязано своими «новинками» нашему изданию. Наибольшие вклады внесены здесь в Собрания сочинений и писем Герцена (до 80 %), Салтыкова (до 60 %) и Василия Слепцова (до 100 %, т. е. удвоение корпуса его ранее известных сочинений).¹²

Важно подчеркнуть, что новые материалы появляются в «ЛН», во-первых, с эвристической подготовкой — археографической, текстологической, атрибутивной, библиографической и пр., и, во-вторых, в сопровождении статей и комментариев, содержащих научную разработку содержания публикуемого документа, или группы их, или всей проблематики данного тома. В зависимости от содержательности и объема публикуемых текстов сопроводительные статьи и комментарии к ним перерастают иногда в крупные проблемные исследования (например, статья «Герцен и молодая эмиграция» Б. П. Козьмина, «Щедрин — литературный критик» И. М. Лаврецкого, «Творческие дневники Достоевского» Л. М. Розенблюм и др.).¹³ Многие тома имеют самостоятельный раздел, о содержании которого говорит его название «Статьи и исследования» (в тт. «Пушкин», «Гете», «Белинский», «Щедрин», «Блок» и др.).

Назову несколько публикаций, которые со всей объективностью можно квалифицировать как вклады в научное исследование. Беру примеры только из томов, посвященных революционным демократам. Им «ЛН» с первых шагов своего существования уделяло много внимания и места. И это также было одним из велений времени. Ведь их литературное наследие, идеологически наиболее близкое победившей Революции, было хуже всего собрано и наименее изучено, а многое в нем и вовсе было скрыто самодержавием от русского общества. Заняться революционными демократами нам энергично

посоветовали А. М. Горький в письме в редакцию¹⁴ и М. С. Ольминский¹⁵ в устных рекомендациях. Мы посвятили специальные тома всем лидерам этого направления: Белинскому, Герцену, Огареву, Некрасову, Добролюбову, Чернышевскому и Салтыкову-Щедрину.

Вот несколько публикаций, которые я хочу назвать для примера.

В трехтомнике «Белинский» появился впервые научно-установленный текст знаменитого зальцбруннского «Письма к Гоголю» — политического завещания великого критика.¹⁶ Здесь же напечатаны несколько десятков вновь открытых рецензий Белинского и впервые дано научное описание его библиотеки.¹⁷

Главное богатство в трехтомнике «Некрасов»¹⁸ — его эпистолярный раздел. В нем опубликовано около 600 писем периода «Современника» и «Отечественных записок»: 126 самого поэта к 38 адресатам и 486 писем к нему — от 146 корреспондентов. И так же, как и по отношению к Белинскому, дано описание библиотеки поэта.

В томе «Добролюбов и Чернышевский» наследие обоих обогащено публикациями двух чрезвычайно сильных произведений их публицистического пера. Это запрещенная цензурой статья Чернышевского «В оправдание памяти честного человека» и попавшее в III Отделение «якобинское» письмо-памфлет Добролюбова, обращенное к Гречу по поводу его статьи о смерти Николая I. Письмо было подписано псевдонимом Анастасий Белинский, т. е. «воскресший» Белинский («анастасиос» по-гречески — воскресший). Авторство Добролюбова III Отделением не было раскрыто.¹⁹

Главнейшие ценности, открытые щедринскими томами, — это, во-первых, несколько статей из цикла «Наша общественная жизнь», крупнейшего публицистического памятника шестидесятых годов; во-вторых, статья «Современные призраки» — изложение фундаментальных философско-исторических основ мировоззрения писателя и одна из неизвестных ранее вершин в русской общественной мысли.²⁰ М. С. Ольминский, успевший ознакомиться с главнейшими материалами щедринского двухтомника, определил их в своем отзыве как «платформа нового изучения Щедрина».²¹ Высоко оценила двухтомник и Н. К. Крупская, за исключением, однако, публикации «Щедрина у Ленина», которая, напротив того, подверглась ее суровой критике.²²

Совсем особенное место в публикациях «ЛН» заняли и продолжают занимать Герцен и Огарев. Им — больше, конечно, Герцену — посвящено 9 книг (считая 3 еще не вышедшие, но уже собранные), общим объемом в 8200 страниц.²³ Рядом с ними стоит в наших томах только Лев Толстой, как всегда и во всем огромный. Ему посвящено 12 книг (считая одну еще не вышедшую), но с несколько меньшим числом страниц, а именно 7300.²⁴

В отношении Герцена и Огарева перед «ЛН» постепенно вызревала и встала, наконец, как необходимость задача национально-исторического масштаба и, я бы сказал, провиденциального значения. Задача эта — собрать на родине издателей «Колокола» их заграничный архив, некогда единый и огромный, хранившийся после смерти Герцена сначала у его сына Александра и старшей дочери в Лозанне, а впоследствии постепенно распавшийся на ряд частей, оказавшихся в нескольких странах Западной Европы и США.

Еще в годы швейцарской эмиграции Ленин говорил М. С. Ольминскому, а он рассказал об этом нам, о необходимости, когда возникнут для этого условия, собрать полностью все рукописное наследие Герцена и полностью издать его. Условия эти появились лишь после Великой Отечественной войны, когда правительство Чехословацкой Республики принесло в дар Академии наук СССР, в знак благодарности за освобождение страны от немецко-фашистской оккупации, материалы Русского заграничного архива и

среди них т. н. «пражскую коллекцию» бумаг Герцена и Огарева и их окружения.²⁵ Разработка этой богатейшей коллекции указала ряд новых путей в деле собирания других частей архива, оставшихся на Западе. В результате разного рода инициатив, переписки, поездок за границу, а главное, усилий в области организации обмена микрофильмами между зарубежными и советскими архивохранилищами, многолетнюю работу по собиранию заграничных бумаг Герцена и Огарева можно сейчас считать, в основном, завершённой. За последние 15—20 лет «ЛН» получило из архивных собраний Амстердама, Женевы и Парижа²⁶ несколько тысяч кадров микрофильмов, а также ксеро- и фотокопий герцено-огаревских материалов. Неизданные рукописи (среди них автограф 5-й части «Былого и Дум»), а также изданные только за границей, подготовлены сейчас к печати и составляют 3 книги по 75 листов каждая, т. е. в общем объеме 225 листов. И мы с нетерпением ожидаем выхода этих книг, чтобы с облегчением и глубоким удовлетворением сказать свое «ныне отпускаеши...» по отношению к этой самой крупной по объему и самой длительной по времени работе «ЛН».

Репертуар публикаций «ЛН», которые с полным основанием можно признать вкладами в науку, обширен. Многие из них уже были сегодня упомянуты. Но, кажется, не были названы принципиально важные и высоко оцененные в научной литературе такие публикации, как пять «Философических писем» Чаадаева,²⁷ донесения русского посла в Париже Симолина о событиях Великой Французской революции, письма Бальзака и документы о нем, позволившие впервые воссоздать «русскую главу» в биографии великого романиста,²⁸ замечательные путевые письма Гончарова из кругосветного путешествия,²⁹ русские народные песни из Собрания Киреевского в записях писателей, в частности Пушкина, Гоголя, Кольцова и др.,³⁰ большое количество неизвестных ранее произведений Бунина, Брюсова, наконец, относительно недавно начатые нами публикации материалов из истории советской литературы.³¹

Помимо основного значения «ЛН» как канала, по которому в историю русской литературы и общественной мысли вливались новые материалы, нужно указать и на значение побочных и менее видных результатов деятельности издания.

Мало кому известно, что идея создания такого фундаментального издания, как академическое 30-томное Собрание сочинений Герцена, осуществленное ИМЛИ, возникла и получила практическое развитие после того, как сначала Б. П. Козьмин, а затем В. П. Волгин — тогда вице-президент, ознакомились с начатыми «ЛН» в конце 1940-х годов разработками «пражской коллекции», поразившей всех своими богатствами.

Еще один побочный продукт деятельности «ЛН» — обогащение советских архивных собраний копиями рукописей и других документов, получаемых нами из заграничных архивов по операциям обмена. Так, все упомянутые микрофильмы, ксеро- и фотокопии с бумаг Герцена, Огарева и их окружения, полученные нами из Нидерландов, Швейцарии и Франции, а ранее из Италии, Англии и США,³² переданы на постоянное хранение в рукописные отделы Библиотеки Ленина, Публичной библиотеки Салтыкова-Щедрина, в ЦГАЛИ и в ЦГАОР.³³ Таким образом, весь фонд заграничного архива Герцена, Огарева, хотя наполовину и не в подлинниках, собран сейчас в СССР, хотя находится, к сожалению, в разных местах (в соответствии с участием названных учреждений в обменных операциях).

Передаются нами в архивные учреждения и подлинники, когда они попадают в редакцию, например, бунинские и замятинские материалы, переданные нами отчасти в Орел, в Музей писателей местного края, отчасти в ЦГАЛИ.³⁴

Еще один побочный результат деятельности «ЛН» — это ее значение как практической школы эдиционно-текстологической и комментаторской работы. Через эту школу прошло за полвека множество литературоведов, как те, у которых мы сами учились, так и те, которые потом учились у нас.

Сегодня уже не раз говорилось, что «ЛН» развивалось вместе со всем советским литературоведением, как одна из его составных частей. Были сообщения и впечатляющие цифры, указывающие на число наших авторов за полвека. Среди них было немало и таких ученых и разного рода специалистов, сотрудничество которых с «ЛН» не ограничивалось авторским участием, а было гораздо большим.

В кино и в телевидении актер иногда участвует «за кадром»: его слышно, но не видно. В «ЛН» почти всегда были и есть редакторы «вне титульного листа». Это обычно крупные специалисты по проблематике публикуемых материалов, которых мы приглашаем для консультаций. Всех их не назывешь, а некоторые уже названы. Хочу к этим названным добавить еще следующие имена ученых, с указанием какие материалы и тома они помогали нам редактировать. Это:

Франц Петрович Шиллер³⁵ — для публикации эстетических документов Маркса и Энгельса;

Александр Георгиевич Габричевский и Виктор Максимович Жирмунский — для «гетевского тома»;³⁶

Георгий Александрович Гуковский — для XVIII века;³⁷

Вас. Вас. Гиппиус, Иванов-Разумник, Б. М. Эйхенбаум и Н. В. Яковлев — для двухтомника «Салтыков-Щедрин»;³⁸

Александр Александрович Сиверс, Д. П. Мирский, Борис Викторович Томашевский и Андре Мазон — для томов «Русская культура и Франция»;³⁹

Николай Иванович Мордовченко⁴⁰ — для трехтомника «Белинский»;

Влад. Евг. Евгеньев-Максимов, С. А. Рейсер и К. И. Чуковский — для трехтомника «Некрасов»;⁴¹

В. П. Волгин, Б. П. Козьмин, М. В. Нечкина, Я. З. Черняк — для томов «Герцен и Огарев»;⁴²

Н. Н. Гусев, Влад. Александрович Жданов, Ев. Ефим. Зайденшнур, К. Н. Ломунов, Лид. Дм. Опупльская, М. Б. Храпченко и Ал. Иосиф. Шифман — для «толстовских» томов.⁴³

[Зачеркнуто: Помогали нам советами и прямым участием наши крупные писатели — Л. М. Леонов («Толстой»), К. А. Федин («Чехов», «Бунин»), К. М. Симонов и А. А. Сурков («Писатели на фронтах Отечественной войны»)⁴⁴ и др.]

Говоря о строителях «ЛН», нельзя ограничивать их круг авторами и редакцией. Принципиально не менее важную роль в нашей работе играли архивы и архивисты. Без теснейшего сотрудничества с ними, без научной эксплуатации результатов их собственной деятельности «ЛН» не могло бы существовать. И сегодня, на юбилейном празднике «ЛН» должно прозвучать наше слово благодарности всем архивным учреждениям страны, с которыми мы десятилетиями сотрудничаем, с которыми у нас существуют добрые деловые отношения и, как правило, полное взаимопонимание. Но больше всего мы обязаны рукописным отделам Пушкинского дома, Библиотеки им. Ленина, Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Историческому музею, Историческому архиву, Архиву Октябрьской революции, Архиву Горького, а в последние годы более всего ЦГАЛИ. Из заграничных архивных учреждений мы наиболее деятельно сотрудничали и продолжаем сотрудничать с Национальной библиотекой в Париже, с Публичной и Университетской биб-

лиотекой в Женеве и Международным институтом социальной истории в Амстердаме.

Но, конечно, главные работы по созданию томов «ЛН» — научно-организационные, архивно-поисковые и практического редактирования — осуществлялись и осуществляются редакцией издания.

На юбилейном празднике «ЛН» нельзя не назвать имена всех работников редакции — прошлых и нынешних. В ее трудах в разное время участвовали И. Л. Андроники и Н. А. Роскина (8 лет). На пенсии находятся ветераны «ЛН» К. П. Богаевская (... лет),⁴⁵ А. Н. Дубовиков (25 лет) и старейший наш ветеран с 45-летним стажем Н. Д. Эфрос. Уже нет с нами И. В. Сергиевского и В. В. Жданова. В теперешнем же составе редакции трудятся, кроме И. С. Зильберштейна и меня, Т. Г. Динесман (стаж 20 лет), Л. Р. Ланский (36 лет), Л. М. Розенблюм (26 лет), Н. А. Трифонов (21 год) и недавно вошедшие в редакцию Ю. П. Благоволина и Е. Г. Коляда.⁴⁶

Руководство «ЛН» на уровне редколлегии и возглавлявших ее главных редакторов и их заместителей осуществлялось известными деятелями советского литературоведения. В разное время в нее входили и входят: И. И. Анисимов, Г. П. Бердников, Д. Д. Благой, А. С. Бушмин, В. В. Виноградов, П. И. Лебедев-Полянский, К. Д. Муратова, П. В. Палиевский, Л. И. Тимофеев, М. Б. Храпченко и В. Р. Щербина. Последние два — также ветераны «ЛН»: М. Б. Храпченко участвует в трудах редколлегии с 1934 г. — 48 лет, а В. Р. Щербина — с 1960 г. — 21 год, главным же редактором состоит 14 лет.⁴⁷

Общему планированию «ЛН» и решению возникающих принципиальных и масштабных вопросов — организационных и научно-исследовательских — содействует то обстоятельство, что в состав редколлегии входят как академик-секретарь Отделения литературы и языка,⁴⁸ так и дирекция ИМЛИ. Тем самым редакция имеет прямые выходы к высшему в стране академическому руководству филологической наукой.

Каждый юбилей, как двуликий Янус, обращен к прошлому юбиляра и к его будущему. О прошлом «ЛН» сказано и написано много. Но с чем, с каким самосознанием, с какими планами и надеждами вступает, и уже вступило, наше издание в свое второе пятидесятилетие?

Иногда спрашивают: не близки ли к исчерпанию запасы пригодной для «ЛН» архивной руды и не грозит ли ему «энергетическое» угасание, «энтропия»? Ответ должен быть отрицательным, за одним, однако, важным исключением — вершин русской классики XIX века. Здесь, особенно в отношении писателей, уже получивших академические и полные научные издания, можно рассчитывать лишь на неисчерпаемых Толстого и Горького да на неожиданные архивные открытия.

Однако за упомянутым исключением в архивных собраниях нашей страны имеется немало драгоценных материалов, относящихся к крупным именам и важным явлениям русской литературы XVIII—XIX вв., которые настоятельно ждут своей очереди быть изданными и изученными. Назову лишь некоторые из них. Прежде всего — идя по хронологии — был бы возможен новый том «ЛН», посвященный XVIII в. Для него имеются богатые материалы в архиве Державина, Н. А. Львова, Тредиаковского и Хвостова. Очень интересен был бы том, посвященный Карамзину и его окружению. Неизданных литературных текстов Карамзина относительно мало, но много его неизданных писем. Бунин отзывался о них как о высоких образцах русской прозы, и не только эпистолярной.⁴⁹ Реальны по имеющимся материалам тома, посвященные Жуковскому и Вяземскому. В этих материалах немало «выходов» к Пушкину и к его окружению. Есть соблазнительная воз-

можность после того, как мы одолели издания крупных памятников — Записных книжек и тетрадей Достоевского, дневника Маковицкого и др. — подняться еще на одну ступень в монументализации наших публикаций и попытаться предпринять научные издания целых архивных собраний. Избирательные публикации главнейших рукописей данного собрания сопровождались бы здесь научно комментированным описанием всего его содержания и указателями, именными и тематическими, относящимися ко всем материалам архива. Это могло бы стать дальнейшим шагом в поступательном движении «ЛН». Первым опытом мог бы стать Архив братьев Александра и Николая Тургеневых. Это огромное собрание драгоценных материалов, литературных и исторических, отечественных и зарубежных, с выходом к Пушкину, декабристам и т. д. Оно лишь в малой мере затронуто изданиями.⁵⁰ Есть и другие крупные писательские архивы, в целом не изученные, эксплуатировавшиеся фрагментарно, например, архивные фонды Соболевского, Одоевского, Краевского, Киреевских-Елагиных⁵¹ и др. Одним словом, недостатка в архивных материалах для работы «ЛН» нет даже и по отношению к XIX в., не говоря о веке XX и о советской литературе, о чем здесь уже была речь [*зачеркнуто*: и к чему можно лишь добавить, что К. А. Федин очень рекомендовал нам, вслед за Буниным, заняться в специальном томе наследием Евг. Замятина и сам собирался принять участие в этом томе. Можно бы вероятно взвесить возможность возвращения к начинавшимся, но по ряду причин приостановленных работ над томами «Есенин», «Твардовский». Следовало бы подумать и о томе «Шолохов».⁵²]

Кроме того, остаются нетронутыми разработками «ЛН» имеющиеся материалы для томов, которые продолжили бы нашу «компаративистскую» серию, начатую томами «гетевским» и «Русская культура и Франция», продолженную «англо-русским» томом-монографией М. П. Алексеева⁵³ и ведущейся работой над «итало-русским томом».⁵⁴ Имеются возможности создания тома «Русская культура и Германия», нового и очень богатого «русско-французского» тома и даже тома «русско-испанского», план которого по собственному почину, на свой страх и риск разработал один молодой испанист,⁵⁵ представивший его М. П. Алексееву и получивший от последнего восхищенную поддержку.

Но что еще, кроме перспективных и возможных планов томов, стоит на череду у «ЛН», перешагнувшего в свой второй полувека? У нас есть многое, что позволяет с оптимизмом смотреть в будущее. У нас есть опытные, работоспособные кадры, есть преданность делу, есть хорошее положение и устройство как органа головного литературоведческого института Академии наук, есть авторитетное руководство и годами проверенные добрые, деловые и личные взаимоотношения с ним, чего, к сожалению, нельзя сказать о наших теперешних взаимоотношениях с издательством.⁵⁶ Но на пройденном долгом пути мы не только многое приобрели, но кое-что и утратили... Прежде всего мы утратили свои годы, — и это суровая биологическая закономерность. Для старших работников «ЛН» прошла уже и пора листопада. Конец трудового пути приближается. И наша первейшая забота должна быть о смене, такой смене, которая была бы в состоянии повести корабль «ЛН» по морям и океанам второго пятидесятилетия и которой мы смогли бы передать наш опыт.

Чего же нужно пожелать как этой будущей смене, так и нам, теперешнему коллективу «ЛН», на том пути, который нам еще предстоит?

Главнейшее, что мне хочется пожелать со всей энергией, со всей возможной силой убедительности, это хорошо помнить об одной важной истине. Она изложена еще древними римлянами и в переводе с латинского зву-

чит так: «От согласия (concordia) и малые дела растут, от несогласия (discordia) и большие распадаются».⁵⁷

Итак, пусть постоянным спутником «ЛН» в его начавшемся втором полувеке будет всегда доброе согласие и дружеское общение. Пусть и в начавшемся новом пятидесятилетии «ЛН» послужит науке и обществу с не меньшими результатами, чем оно служило им в пятидесятилетии ушедшем.

30. I. 82

¹ Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — общественный и политический деятель, литератор. О его сотрудничестве с «ЛН» см.: Трифонов Н. Луначарский — участник «Литературного наследства» // Лит. наследство. Т. 82. С. 493—496.

² В середине 1920-х годов С. А. Макашин по рекомендации В. Я. Брюсова начал работать в редакции Большой Советской Энциклопедии и до 1931 года был секретарем Отделения литературы, искусства и языкознания, возглавляемого А. В. Луначарским.

³ Кольцов (Фридрих) Михаил Ефимович (1898—1940) — журналист, руководитель Журнално-газетного объединения «Жургаз; 1927—1938), созданного на базе акционерного общества «Огонек». По воспоминаниям И. С. Зильберштейна, он приехал в 1930 году в Москву по приглашению М. Е. Кольцова и весной 1931 года приступил к подготовке первого номера «ЛН» (см.: И. С. Зильберштейн. Штрихи к портрету: К 100-летию со дня рождения. М., 2006. С. 7). В Жургазе вышли 16 томов «ЛН», и только завершающая, третья книга тома «Русская культура и Франция» (т. 33—34) была издана под грифом Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Издательстве АН СССР (после закрытия Жургаза решением Оргбюро ЦК ВКП(б) в мае 1938 года «ЛН» по инициативе тогдашнего его главного редактора и директора Пушкинского Дома П. И. Лебедева-Полянского было переведено в ведение Пушкинского Дома).

⁴ С. А. Макашин в первом выпуске «ЛН» участвовал в комментировании публикации М. Е. Салтыкова-Щедрина, а также, судя по гонорарным ведомостям, готовил отдел «Хроники» (РГАЛИ. Ф. 3290, не разобран).

⁵ Неточная цитата из работы А. В. Луначарского «Социологические и патологические факторы в истории искусства» (1930): «...всякая общественность может найти в человеческой клавиатуре такие клавиши, которые соответствуют ей...» (Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1967. Т. 8. С. 115).

⁶ Государственный Литературный музей образован в 1934 году путем объединения Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики и Литературного музея при Библиотеке им. В. И. Ленина. Руководителем музея был назначен Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873—1955) — партийный и государственный деятель, историк, писатель, этнограф. О сотрудничестве — а часто и соперничестве — Литературного музея и «ЛН» см.: Шумихин С. В. Д. Бонч-Бруевич и И. С. Зильберштейн у истоков советского музейно — архивно — публикаторского дела // И. С. Зильберштейн. Штрихи к портрету... С. 72—119.

⁷ Упомянуты: издательство «Academia» (1922—1937); «Издательство братьев Сабашниковых» (1891—1934); «Красный архив» — исторический журнал, издававшийся в Москве в 1922—1941 годах; «Звенья» — серия сборников «материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в.», выходила под редакцией В. Д. Бонч-Бруевича и А. В. Луначарского в 1932—1951 годах.

⁸ Скорее всего, С. А. Макашин сознательно допускает неточность: лозунг «учебы у классиков» был выдвинут в 1927 году критиками журнала «На литературном посту», позднее объединившимися в РАПП, и активно дискутировался до 1931 года. Под «учебой у классиков» рапповцы понимали прежде всего усвоение приемов и методов писателей XIX века в сочетании с коммунистической идеологией. «Нигилистическое» же отношение Пролеткульта к классическому наследию было еще в 1922 году осуждено советской и партийной печатью. Ко времени выхода № 1 «ЛН» в 1932 году дискуссия об «учебе у классиков» утратила свою актуальность, а вскоре апрельским постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» РАПП, Пролеткульт и другие организации были расформированы. В предисловии к первому выпуску «ЛН» обращение к классическому наследию увязывалось с ленинскими статьями и выступлениями (в частности, против Пролеткульта), разоблачались «контрреволюционная» деятельность Пушкинского Дома, занимающегося «печатанием материалов, относящихся к буржуазно-дворянской линии истории литературы» и провозглашалось, что новое издание должно стать не «убежищем „архивных крыс“», а «боевым большевистским органом, достойным тех задач, которые ставят перед наукой партия и рабочий класс». В своих воспоминаниях С. А. Макашин так характеризовал это предисловие: «...мне стыдно сейчас вспоминать [его], стыдно его смотреть: до такой степени оно покрыто темной, так сказать, печатью рапповщины. И тут парадокс заключается в том, что рапповщина, как известно, весьма нигилистично относилась все-таки к литературному наследию прошлого, классики, отрицала необходимость изучения XVIII века и так далее и так далее, то есть как раз то, чем мы стали заниматься в „Литературном наследстве“. Ну, это была печать времени, неизбежная печать, и тут можно даже не

особенно предъявлять им упреки, потому что так распределила, действительно, история, когда других не было» (Отдел устной истории Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова. № 871). Автором предисловия С. А. Макашин называл И. Ипполита.

⁹ Имеется в виду том 90 «У Толстого (1904—1910). Яснополянские записки Д. П. Маковского» (в 5 книгах, 1979—1981).

¹⁰ *Кольцов М.* Важный кирпич // Правда. 1926. 5 марта.

¹¹ *Полвея П.* Каждый том — открытие: К 45-летию издания «Литературного наследства» // В мире книг. 1976. № 10. С. 52—54.

¹² Речь идет о Собраниях сочинений А. И. Герцена в 30 томах (1954—1966) и М. Е. Салтыкова-Щедрина в 20 томах (1965—1977; главный редактор С. А. Макашин). В 1963 году вышел том 71 «ЛН» «В. А. Слепцов: Неизвестные страницы».

¹³ Упомянутые публикации появились соответственно в томах 41—42 («А. И. Герцен»), 11—12 («Щедрин») и 83 («Неизданный Достоевский: Записные книжки и дневники (1860—1881 гг.)). Козьмин Борис Павлович (1883—1958) — историк, литературовед, сотрудничал с «ЛН» с 1933 года; Лаврецкий А. (наст. имя: Иосиф Моисеевич Френкель, 1893—1964) — критик и литературовед, в 1930—1940-е годы опубликовал в «ЛН» несколько статей о В. Г. Белинском, М. Е. Салтыкове-Щедрине, А. И. Герцене, Н. А. Некрасове; Розенблюм Лия Михайловна (род. 1922) — литературовед, в «ЛН» с 1955 года, с 1987 года — член редколлегии.

¹⁴ Письмо А. М. Горького в «ЛН» от 30 марта 1932 года опубликовано в № 4 «Бюллетеня Журнально-газетного объединения РСФСР» за 1932 год под названием «Советы М. Горького „Литературному наследству“»; полный текст: Лит. наследство. Т. 95. С. 5—6.

¹⁵ Ольминский (Александров) Михаил Степанович (1863—1933) — деятель революционного движения, соратник В. И. Ленина.

¹⁶ Публикация «Письмо Белинского к Гоголю» появилась в 1950 году в томе 56 за подписью К. П. Богаевской. Первоначально критически установленный Ю. Г. Оксманом текст письма предполагалось опубликовать в томе 55, но главный редактор «ЛН» П. И. Лебедев-Полянский категорически запретил упоминать имя Ю. Г. Оксмана, и работа была снята на этапе корректуры (см.: *Азадовский М. К., Оксман Ю. Г.* Переписка. 1944—1954 / Изд. подг. К. Азадовский. М., 1998. С. 64—65). В следующем томе, несмотря на старания С. А. Макашина и И. С. Зильберштейна, имя истинного автора публикации восстановлено не было — текст был напечатан с предисловием К. П. Богаевской и комментарием Я. З. Черняка. См. также в письмах К. П. Богаевской Ю. Г. Оксману от 3 февраля 1949 года и Ю. Г. Оксмана К. П. Богаевской от 13 февраля 1949 года: Новое литературное обозрение. 1998. № 29. С. 127—128. Монографическая статья Ю. Г. Оксмана «Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ», включающая текстологический анализ всех дошедших до нас списков документа, а также его историко-литературную характеристику, была опубликована два года спустя (Ученые записки Саратовского Государственного университета. 1952. Т. XXXI (вып. филолог.). С. 111—204).

¹⁷ Без малого пятьдесят рецензий Белинского за 1830—1840-е годы были републикованы в томах 55 и 56 Л. Р. Ланским, К. П. Богаевской, В. М. Жирмунским, Ю. И. Масановым, С. И. Машинским, Э. Э. Найдичем, М. Я. Поляковым, Н. А. Соколовым и В. С. Спиридоновым. «Описание книг библиотеки Белинского» было составлено Л. Р. Ланским и появилось с его предисловием в томе 55.

¹⁸ Имеются в виду тома 49—50, 51—52, 53—54 «Н. А. Некрасов», выходившие в 1946—1949 годы. Эпистолярное наследие поэта было напечатано во втором «некрасовском» томе, а «Описание книг из библиотеки Некрасова», подготовленное Н. С. Ашукиным, в третьем.

¹⁹ Речь идет о томе 25—26 (1936), посвященном Н. А. Добролюбову, Н. Г. Чернышевскому и др. Упомянутая статья Н. Г. Чернышевского подготовлена Н. М. Чернышевской. Письмо-памфлет Н. А. Добролюбова, явившееся ответом на статью Н. И. Греча «18 февраля 1855 года» и подписанное «Анастасий Белинский» (т. е. «Воскресший Белинский»), было опубликовано Б. П. Козьминым в томе 57 в 1951 году.

²⁰ Упомянутые публикации подготовлены соответственно В. И. Невским и Я. Е. Эльсбергом (предисловие А. В. Луначарского).

²¹ Возможно, речь идет об устном отзыве М. С. Ольминского.

²² О своем знакомстве с М. С. Ольминским и его участии в подготовке «щедринских» томов, а также об отношении Н. К. Крупской к этим томам, С. А. Макашин вспоминал: «„Литературное наследство“ было учреждено как орган РАПП и Института ЛИЯ Комкадемии. Соответственно, редколлегия первых номеров была рапповской: Л. Авербах, И. Ипполит (Ситковский) и Ф. Раскольников. Последний, правда, принадлежал РАПП лишь формально. Зато И. Ипполит был рапповцем, что называется, чистой воды и вместе с тем деятелем, „стоявшим на страже“. (...) В качестве главного редактора И. Ипполит запретил печатание моего уже набранного и сверстанного обзора «Судьба литературного наследства М. Е. Салтыкова-Щедрина» — *прим. коммент.*». Причина запрещения заключалась в том, что я был недавно репрессирован. Ф. Раскольников был против такого решения, Л. Авербах колебался и задумал посоветоваться с М. Ольминским... Ему и был послан мой обзор. Не только эмоциональные, но и практические результаты первой же встречи с М. Ольминским оказались весьма значительными для меня. Во-первых, Михаил Степанович высоко оценил мою работу... и тем снял наложенный на нее

И. Ипполитом запрет. Обзор был напечатан в ближайшем же, 3-м номере „Литературного наследства“ (вышел в свет летом 1932 года). Во-вторых, был одобрен возникший у меня замысел специального „щедринского“ тома (в ходе работы он скоро превратился в два «щедринских» тома). {...} Надежду Константиновну заинтересовали помещенные в первом томе материалы о Щедрина и Ленине. „Указатель“ цитат из Щедрина в ленинских сочинениях не вызвал каких-либо замечаний. Возражения были сделаны по поводу некоторых выводов в упомянутых выше сопроводительных статьях (имеются в виду статьи М. В. Нечкиной «Щедрин у Ленина» и Г. Е. Зиновьева «Большевики о наследстве Щедрина» — *прим. коммент.*). „Эта арифметическая методология, — говорила Надежда Константиновна, — невольно приводит читателя к мысли, что Владимир Ильич лучше всего знал в русской литературе Щедрина и чаще всего обращался к его произведениям, что неверно... Авторы сопроводительных статей и комментариев к „Указателю“, видимо, не принимают в расчет, что Щедрина, как крупнейшего писателя — обличителя существовавшего строя, широко цитировали все литераторы левого оппозиционного лагеря... Но делать отсюда выводы о каком-то исключительном предпочтении Щедрина по отношению ко всем другим писателям неправильно“» (Макашин С. Изучая Щедрина: (Из воспоминаний) // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 131—132, 133, 147—148).

23 А. И. Герцену и Н. П. Огареву посвящены тома 39—40, 41—42 («А. И. Герцен», 1941), 61—63 («Герцен и Огарев», 1953—1956), 64 («Герцен в заграничных коллекциях»), 96 («Герцен и Запад», 1985) и 99 («Герцен и Огарев в кругу родных и друзей», в двух книгах, 1997).

24 Л. Н. Толстому посвящены тома 35—36, 37—38, 69 (в двух книгах), 75 («Толстой и зарубежный мир», в двух книгах), 90 («У Толстого». 1904—1910. „Яснополянская записка“ Д. П. Маковицкого») и 94 («Первая завершенная редакция романа „Война и мир“»).

25 «ЛН» приняло участие в послевоенной судьбе Русского зарубежного исторического архива. И. С. Зильберштейн вспоминал, что, узнав о том, что советские войска 4 мая 1945 года вошли на территорию Чехословакии в районе города Оломоуца, он в тот же день обратился с запиской о судьбе пражского архива к президенту АН СССР С. И. Вавилову (см.: *Зильберштейн И. С. Парижские находки: Эпоха Пушкина. М., 1993. С. 12*). С. И. Вавилов впоследствии ходатайствовал о включении И. С. Зильберштейна в комиссию по приему архива, но в ЦК ВКП(б) отклонили эту просьбу. В статье «И. С. Зильберштейн и возвращение в Россию культурных ценностей» А. Н. Артизов пишет: «Представители НКВД и СМЕРШа... появились в Тосканском дворце в Праге, где располагались основные фонды РЗИА, уже 10—12 мая 1945 г. 13 июня 1945 г. правительство Чехословацкой республики постановило передать РЗИА Академии Наук СССР в честь ее 220-летия. Вслед за контрразведчиками и чекистами в Прагу для приемки архива приехала комиссия во главе с начальником ГАУ НКВД СССР И. И. Никитинским (на его назначении руководителем комиссии настоял Л. П. Берия), состоявшая из архивистов и представителей Академии Наук — члена-корреспондента АН СССР С. К. Богоявленского и И. И. Минца... Акт о передаче архива в дар Советскому Союзу премьер-министр Чехословакии З. Филинггер вручил комиссии 6 декабря 1945 г.» (И. С. Зильберштейн. Штрихи к портрету... С. 46). После того как судьба РЗИА была решена, И. С. Зильберштейн обращался к С. И. Вавилову с запиской «О произведениях искусства и документальных фондах по истории русской культуры, находящихся в Чехословакии» (предположительно октябрь 1945 года), где, в частности, говорилось: «Еще задолго до освобождения нашими войсками Праги в подробной докладной записке, переданной Вам, я дал характеристику Русскому заграничному архиву и писал о том, что предстоящим вступлением Красной Армии в Прагу можно воспользоваться, чтобы перевести в СССР этот самый большой из числа сохранившихся на Западе фонд архивных материалов, собранных русской эмиграцией. {...} Но Русский заграничный исторический архив является лишь частью того, что находится в Чехословакии и имеет прямое отношение к прошлому нашей страны и что можно различными путями вновь сделать достоянием русского народа и русской культуры» (Там же. С. 55—56). В это же время в Праге находился С. А. Макашин, попавший туда в качестве военнослужащего Советской Армии. Летом 1945 года он познакомился там с заведующим архивом А. Ф. Изюмовым. С января 1946 года «Пражская коллекция» находилась в ЦГАОР СССР. В ЦГАЛИ поступила значительная часть материалов РЗИА, в том числе составивших фонд «Заграничный архив А. И. Герцена и Н. П. Огарева».

26 Имеются в виду собрания Международного Института социальной истории (Амстердам), куда передал свой архив сын А. А. Герцена Владимир, Национальной библиотеки (Париж), куда поступила часть личного архива Н. А. Герцена, и Публичной и университетской библиотеки (Женева), купившей часть герценовского архива у родственников его внука Николая. Подробнее об этом см.: *Полов А. В. Архивное наследие А. И. Герцена на родине и за рубежом // Герценовские чтения VIII: Материалы научной конференции. Киров, 2002. С. 6—12. О личном вкладе С. А. Макашина в дело воссоединения архива Герцена и Огарева см., в частности: Житомирская С. В. Судьба архива Герцена и Огарева // Лит. наследство. Т. 96. С. 549—640.*

27 «Неизданные „Философические письма“ Чаадаева» опубликованы В. Ф. Асмусом и Д. И. Шаховским в томе 22—24.

28 Публикация «Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И. М. Симолина» (в томе 29—30) подготовлена Н. М. Лукиным, Е. В. Александровой и

О. А. Старосельской. Значительную часть второго «русско-французского» тома 31—32 занимает исследование Л. П. Гроссмана «Бальзак в России».

²⁹ «Путевые письма И. А. Гончарова из кругосветного плавания» подготовил и прокомментировал Б. М. Энгельгардт (том 22—24).

³⁰ Материалы из собрания народных песен П. В. Киреевского, открытые в конце 1950-х годов П. Д. Уховым, составили 79-й том «Песни, собранные писателями».

³¹ Имеются в виду тома 70 («Горький и советские писатели»), 74 («Из творческого наследия советских писателей»), 78 («Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны»), 84 («Иван Бунин») и 85 («Валерий Брюсов»).

³² Речь идет об уже упомянутых выше собраниях, а также о материалах, хранящихся в Библиотеке Фельтринелли (Милан), Музее Рисорджименто (Милан), Музее города Рима, Британском Музее (Лондон), Колумбийском Университете (США), получившем часть герценовского архива от младшей дочери Герцена Ольги Моно в 1952 году.

³³ В ОР ГБЛ поступили, в частности, копии писем и рукописей А. И. Герцена из Амстердама, коллекция фотографий, связанных с перенесением праха Н. П. Огарева из Лондона в Москву, копии материалов А. И. Герцена из Национальной библиотеки Парижа, Британского Музея, Бодленской библиотеки в Оксфорде.

³⁴ После выхода «бунинского» тома в ЦГАЛИ и Музей писателей-орловцев в 1974 году были переданы несколько десятков документальных материалов и иллюстраций (в том числе, не вошедших по цензурным причинам в том воспоминания писателей-эмигрантов о И. А. Бунине); бунинские материалы были переданы также в НИОР РГБ. О материалах Е. И. Замятина см. прим. 4 к документу 2, раздел 4.

³⁵ Шиллер Франц Петрович (1898—1955) — литературовед, специалист по западноевропейской литературе. В первых томах «ЛН» подготовил публикации «Фридрих Энгельс о литературе» и «Фридрих Энгельс о Бальзаке».

³⁶ Габричевский Александр Георгиевич (1891—1968) — искусствовед, литературовед, переводчик. В томе 4—6 «Гете» опубликовал обзор «Автографы Гете в СССР». Жирмунский Виктор Максимович (1891—1971) — историк английской и немецкой литературы, стиховед, лингвист; автор статьи «Гете в русской поэзии» в этом же томе.

³⁷ Григорий Александрович Гуковский (1902—1950) — литературовед. О нем и «ЛН» см.: Костин А. А. Изучение русской литературы XVIII века в 1930-е годы: (Переписка редакции «Литературного наследства» с Г. А. Гуковским и другими авторами) // Русская литература. 2009. № 2. С. 104.

³⁸ Гишпиус Василий Васильевич (1890—1942) — литературовед и переводчик. Иванов-Разумник (Иванов) Разумник Васильевич (1878—1946) — критик, историк литературы. Арестован в феврале 1933 года по фальсифицированному политическому обвинению и три года находился в ссылке в Саратове, поэтому подготовленные им публикации М. Е. Салтыкова-Щедрина в первом «щедринском» томе (1933) — статьи и хроники из цикла «Наша общественная жизнь» — появились без подписи. Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1959) — литературовед. Яковлев Николай Васильевич (1891—1981) — историк русской литературы XIX века.

³⁹ Сиверс Александр Александрович (1866—1954) — генеалог, нумизмат, коллекционер. Мирский (Святополк-Мирский) (1890—1939) — литературный критик. Томашевский Борис Викторович (1890—1957) — литературовед. Мазон Андре (Mazon Andre, 1881—1967) — французский славист, многолетний автор и партнер «ЛН», см. его переписку с И. С. Зильберштейном: Решетникова И. Л. Русско-французские культурные связи: И. С. Зильберштейн и А. Мазон // И. С. Зильберштейн: Штрихи к портрету... С. 163—206.

⁴⁰ Мордовченко Николай Иванович (1904—1951) — историк литературы, текстолог.

⁴¹ Евгеньев-Максимов Владислав Евгеньевич (Максимов, 1883—1955) — историк литературы и журналистики XIX века, один из основоположников советского некрасоведения. Рейсер Соломон Абрамович (1905—1989) — литературовед, библиограф. Чуковский Корней Иванович (Корнейчуков Николай Васильевич, 1882—1969) — писатель, литературный критик, переводчик.

⁴² Волгин Вячеслав Петрович (1879—1962) — историк, общественный деятель, главный редактор Собрания сочинений А. И. Герцена в 30-ти томах (1954—1966). Нечкина Милица Васильевна (1901—1985) — историк русского революционного движения и общественной мысли XIX века. Черняк Яков Захарович (Бер Хаимович, 1898—1955) — историк, литературовед.

⁴³ Гусев Николай Николаевич (1882—1967) — историк литературы, секретарь и биограф Л. Н. Толстого. Жданов Владимир Александрович (1898—1977) — литературовед, текстолог. Зайденшур Эвелина Ефимовна (1902—1985) — текстолог, редактор, архивист. Ломунов Константин Николаевич (1911—2005) — писатель, историк литературы. Громова-Опульская Лидия Дмитриевна (1925—2003) — литературовед. Шифман Александр Иосифович (1907—1993) — историк литературы.

⁴⁴ Леонов Леонид Максимович (1899—1994) — писатель, автор «Слова о Толстом», опубликованного в томе 69 («Лев Толстой»). Федин Константин Александрович (1892—1977) — писатель. Его «Слово о Чехове» открывает том 60 («Новое о Чехове»). Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915—1979) — писатель. Сурков Алексей Александрович (1899—1983) —

писатель. В соавторстве с Н. С. Тихоновым и А. А. Сурковым К. М. Симонов написал предисловие к тому 78 («Советские писатели на фронтах Великой Отечественной Войны»). Об участии К. М. Симонова в работе над этим томом, а также в подготовке неосуществленного «булгаковского» тома, см.: Трифонов Н. Его дружба с «Литературным наследством»: (К 80-летию со дня рождения К. М. Симонова) // Филологические науки. 1996. № 3. С. 90—93.

⁴⁵ Пропуск в тексте. К. П. Богаевская работала в «ЛН» с 1949 года, а это значит, что к 1982 году стаж ее работы в «ЛН» насчитывал 33 года.

⁴⁶ В разные годы в редакции «ЛН» работали или сотрудничали с ней литературоведы: Андроников Ираклий Луарсавович (1908—1990) — ленинградский представитель «ЛН» в начале 1930-х годов; Роскина Наталия Александровна (1927—1989), в «ЛН» в 1951—1959 годах; Богаевская Ксения Петровна (1911—2002), в «ЛН» в 1949—1990-х годах; Дубовиков Алексей Николаевич (1905—1984), в «ЛН» в 1954—1979 годах; Эфрос Наталья Давыдовна (1892—1989), в «ЛН» в 1933—1941 и в 1946—1978 годах; Сергиевский Иван Васильевич (1905—1954), в «ЛН» в 1933—1940-х годах; Жданов Владимир Викторович (1911—1981), в «ЛН» в конце 1930—1940-х годах; Динесман Татьяна Георгиевна (род. 1921), в «ЛН» с 1968 года; Ланский (Каплан) Леонид Рафаилович (1913—2000), в «ЛН» в 1946—1998 годах; Трифонов Николай Алексеевич (1906—2000), в «ЛН» в 1961—1989 годах; Благоволина Юлия Павловна (1928—2005), в «ЛН» в 1978—2005 годах; Коляда Елена Григорьевна (1927—1992), в «ЛН» в 1980—1992 годах.

⁴⁷ Анисимов Иван Иванович (1899—1966) — директор ИМЛИ в 1952—1966 годах и главный редактор «ЛН» в 1961—1966 годах; Бердников Григорий Павлович (1905—1989) — директор ИМЛИ в 1977—1987 годах и член редколлегии «ЛН» в 1979—1989 годах; Благой Дмитрий Дмитриевич (1893—1984) — член редколлегии «ЛН» в 1961—1983 годах; Бушмин Алексей Сергеевич (1910—1983) — директор ИРЛИ в 1950—1951 и 1978—1983 годах и член редколлегии «ЛН» в 1960—1968 годах; Виноградов Виктор Владимирович (1895—1969) — академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР в 1950—1963 годах и главный редактор «ЛН» в 1956—1960 годах; Лебедев-Полянский (Лебедев) Павел Иванович (1882—1948) — главный редактор «ЛН» в 1934—1948 годах; Муратова Ксения Дмитриевна (1904—1998) — член редколлегии «ЛН» в 1960—1990-х годах; Палиевский Петр Васильевич (род. 1932) — заместитель директора ИМЛИ по науке в 1977—1995 годах и член редколлегии «ЛН» с 1979 года; Тимофеев Леонид Иванович (1904—1984) — член редколлегии «ЛН» в 1961—1984 годах; Храпченко Михаил Борисович (1904—1986) — заместитель главного редактора «ЛН» в 1934—1939 годах и член редколлегии в 1956—1985 годах; Щербина Владимир Родионович (1908—1989) — заместитель директора по науке в 1953—1988 годах, и. о. директора ИМЛИ в 1966—1968 и 1974—1975 годах, главный редактор «ЛН» в 1967—1989 годах.

⁴⁸ Из академиков-секретарей Отделения в редколлегию «ЛН» в разное время входили В. В. Виноградов и М. Б. Храпченко.

⁴⁹ Возможная абберация: известен отзыв Н. М. Карамзина о поэтессе А. П. Буниной («Ни одна женщина не писала у нас так сильно»), приведенный, в частности, в очерке И. А. Бунина «Семеновы и Бунины» (1932) и в томе 91 «ЛН» (с. 255). Отзыв Бунина о письмах Карамзина не известен.

⁵⁰ Архив братьев Н. И., А. И. и С. И. Тургеневых находится в ОР ИРЛИ.

⁵¹ Архивные фонды С. А. Соболевского, В. Ф. Одоевского и А. А. Краевского сосредоточены, в основной своей части, в РГАЛИ, ОР ИРЛИ и ОР РНБ; собрание А. П. Елагинной и И. В. и П. В. Киреевских — в НИОР РГБ.

⁵² О проекте «замятинского» тома см. ниже. Работа над томами, посвященными С. А. Есенину и А. Т. Твардовскому, в 1970-е годы не вышла за рамки устных обсуждений и контактов с комиссиями по литературному наследству. В своем отчете за 1986 год С. А. Макашин писал о есенинском томе: «План тома разработан при участии Ю. Прокушева. Но в настоящем виде он неудовлетворителен. Мало интересных документальных материалов. В основном документальный фонд тома состоит из воспоминаний и нескольких писем. Для окончательного решения вопроса о „есенинском“ томе нужно еще подождать обещанных Ю. Прокушевым новых материалов» (Архив «ЛН»). По устному свидетельству В. А. Твардовской, «ЛН» интересовал дневник А. Т. Твардовского, публикация которого стала возможна лишь в последнее время, см.: Твардовский А. «Я в свою ходил атаку...»: Дневники. Письма. 1941—1945. М., 2007; Твардовский А. «Новомирский дневник». В 2 т. М., 2010.

⁵³ Алексеев Михаил Павлович (1896—1981) — литературовед, специалист по русской и западноевропейской литературе. Его монография «Русско-английские литературные связи (XVII — первая половина XIX века)» составила том 91. Перепишу его с И. С. Зильберштейном: Евстигнеева А. Л. Полвека совместного труда: Из переписки И. С. Зильберштейна и М. П. Алексеева // И. С. Зильберштейн: Штрихи к портрету... С. 261—351.

⁵⁴ Работа над томом «Русская культура и Италия» (под редакцией З. М. Потаповой, от «ЛН» — А. Н. Дубовиков) шла во второй половине 1970-х годов. После сбора материалов «ЛН» решило отказаться от подготовки этого тома; материалы его хранятся в ОРХИ ИМЛИ (Ф. 575, не разобран) и Архиве «ЛН».

⁵⁵ Проект «русско-немецкого» тома был разработан С. В. Тураевым, но работа над ним развернута не была. Под «молодым испанистом» подразумевается Всеволод Евгеньевич Багно

(род. 1951), в то время — младший научный сотрудник Сектора взаимосвязей русской и зарубежных литератур ИРЛИ.

⁵⁶ В начале 1980-х годов тогдашний директор «Науки» Г. Д. Комков пытался провести реорганизацию научного книгоиздания, предусматривающую, в частности, сокращение репертуара и тиража изданий, снижение гонораров и т. п. (см. доклад Г. Д. Комкова и дискуссию в Президиуме АН СССР: О совершенствовании издательской деятельности Академии // Вестник АН СССР. 1982. № 2). Попытки ввести лимит в 15 % на объем комментария и снизить гонорарные ставки авторам вызвали протест «ЛН» и обращения к Г. Д. Комкову академика А. Л. Яншина, тогдашнего главного редактора «ЛН» В. Р. Щербины и др. (см., например, письма А. Л. Яншина (середина января 1981 года) и В. Р. Щербины (26 октября 1981 года): РГАЛИ. Ф. 3290, не разобран; ОРХИ ИМЛИ. Ф. 575, не разобран). В разгар этого противостояния Г. Д. Комков обратился с неофициальным письмом к вице-президенту АН СССР П. Н. Федосееву (не позднее 2 апреля 1981 года), в котором обращал его внимание на уменьшение в «ЛН» «удельного веса» документальных публикаций и увеличение «объема интерпретаций» (в качестве примера приводились том 91, «представляющий собой монографию» М. П. Алексеева, и первые две книги «блоковского» тома 92), сообщал о вопиющих случаях сверхнормативной правки и «недостаточной требовательности при подборе авторов различных статей и комментариев»: «Так, один из авторов 92-го тома (Азадовский) привлечен к уголовной ответственности за антигосударственную деятельность, что повлекло за собой значительные выдирки в книге» (Архив «ЛН»; о «ЛН» и «деле» К. М. Азадовского см.: *Дедулин С. В.* «Мы живем в век юбилеев» // *Русская мысль* (Париж). 1981. 4 июня).

⁵⁷ «Concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur» (лат.). Высказывание принадлежит римскому историку Гаю Саллустию Криспу.

2

С. А. МАКАШИН — СЕКРЕТАРИАТУ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Значительное место в деятельности «ЛН» как научной институции занимал поиск (прежде всего — с целью дальнейшей публикации) архивных материалов за рубежом. Связи с иностранными архивами и специалистами установились еще в начале 1930-х годов и прерывались только на время «холодной войны».

В 1967 году по инициативе А. К. Бабореко С. А. Макашин вместе с сотрудником «ЛН» А. Н. Дубовиковым начали подготовку тома «Иван Бунин» (вышел в 1973 году). Неизбежно встал вопрос о зарубежном архиве И. А. Бунина.

К тому времени вопрос о передаче его в СССР обсуждался в советских верхах (а затем — и в руководстве Союза писателей СССР) не менее 12 лет. Вдова И. А. Бунина В. Н. Муромцева-Бунина успела передать лишь некоторые материалы в советские архивы; после ее кончины, как известно, владельцем архива стал Л. Ф. Зуров. Именно с ним (а затем и с М. Грин, которой отошел архив от Л. Ф. Зурова) С. А. Макашин и вел переговоры как во время своих командировок в Париж в 1968 и 1970 годах,¹ так и в письмах;² привлек он к переговорам и некоторых эмигрантов — авторов бунинского тома;³ неоднократно обращался и в Посольство СССР в Париже, и в Союз писателей СССР.

Политическая конъюнктура, которая в значительной мере определяла интерес советских руководящих инстанций к бунинскому архиву, была вне

¹ Одна из его встреч с Л. Ф. Зуровым даже получила беллетристическое описание, см.: *Лавров В. 1*) Судьба архива // *Голос Родины*. 1984. № 29 (Июль); 2) «В мире круга земного»: За строкой автографа И. А. Бунина // *Альманах библиофила*. М., 1985. Вып. 19. С. 232.

² Переписка С. А. Макашина и А. Н. Дубовикова с Л. Ф. Зуровым сохранилась в ОРХИ ИМЛИ (Ф. 575, не разобран) и в Архиве-музее Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 61).

³ В ОРХИ ИМЛИ (Ф. 575, не разобран) сохранилась переписка С. А. Макашина по этому поводу с Н. В. Кодрянской, Г. Н. Кузнецовой и С. Ю. Прегель, а также с А. Я. Полонским.

интересов С. А. Макашина. «Когда я вижу за границей принадлежащие русской литературе архивы и бумаги, находящиеся в условиях фамилльно-наследного квартирного хранения, полного случайностей, я испытываю чувство величайшей тревоги и горечи, — писал он позднее в частном письме. — Ведь в самом лучшем случае эти бумаги, раньше или позже, попадут на постоянное хранение в один из западно-европейских или американских архивных учреждений и будут таким образом навсегда изъяты из русского национального фонда культуры. (...) Мой 45-летний опыт работы в „Литературном наследстве“ печально обогащен знанием обширного мартиролага частных архивных собраний — советских и зарубежных — погибших или распавшихся и практически утраченных для национальной культуры».⁴

Ниже публикуется одно из первых обращений С. А. Макашина по поводу бунинского архива к руководству Союза писателей СССР.

⁴ Из письма Т. А. Осоргиной-Бакуниной от 12 февраля 1977 года: НА ТГОМ. Р-13. Оп. 1. № 479.

К. А. Федину
Г. М. Маркову
К. В. Воронкову¹

Уважаемые товарищи!

Обращаюсь к Вам с убедительной просьбой вернуться к старому вопросу о парижском архиве И. А. Бунина и изыскать пути и средства к положительному решению этого трудного, но очень важного дела.

Речь идет о судьбе бумаг, книг, а также иконографических материалов Бунина и его жены Веры Николаевны Буниной, хранящихся по завещанию последней у писателя Л. Ф. Зурова,² жившего в семье Буниных с 1929 г. на правах приемного сына.

Не входя в подробности истории вопроса, хорошо известные руководству Союза Писателей, напомним о главнейшем.

После смерти Бунина (1953 г.) его вдова, в ответ на соответствующее обращение к ней, передала в Советский Союз часть автографов Бунина (черновые рукописи «Жизни Арсеньева», «Митиной любви» и некоторых рассказов). Специалисты знали, что переданные рукописи составляли весьма малую часть бунинского архива и что большая и ценнейшая его часть осталась по воле В. Н. Буниной в распоряжении Зурова. Руководство Союза Писателей предприняло ряд попыток получить эту часть архива. Зуров ссылался на предсмертную волю В. Н. Буниной, которая ставила условием приобретения архива Советским Союзом одновременное приобретение также мемориально-музейного комплекса парижской квартиры Бунина. Переговоры с Зуровым тянулись с начала 1962 г. до конца 1964 г., но не привели к положительному результату. В ходе переговоров у советской стороны возникли подозрения в том, что либо у Зурова ничего ценного в «остатках» бунинского архива и не было, либо он все важное уже распродал. Подозрения эти возникли у специально ездивших к Зурову В. Ажаева и Л. Никулина³ (во всяком случае, последний говорил мне лично об этих подозрениях). Основаниями для подозрений явились, видимо, два обстоятельства: 1) Зуров почти ничего не показал Ажаеву и Никулину из материалов и 2) Зуров категорически отказывался от предложений предварительно разобрать архив с помощью советских специалистов, составить описание бумагам и дать им оценку.

За время своего краткого пребывания в Париже в минувшем декабре я был у Зурова. Непосредственной целью моего визита было выяснение возможности участия Зурова в документальных публикациях подготавливаемого к изданию под редакцией моей и А. Н. Дубовикова большого «бунинского» тома «Литературного наследства». Но то, что я и жена моя увидели у Зурова, живущего в одной из комнат бывшей бунинской квартиры, и то, что мы услышали от него, далеко выходит по своей важности за рамки публикаторских интересов «Литературного наследства» и должно, на мой взгляд, привлечь внимание руководства Союза Писателей. Вот вкратце главные впечатления и выводы, которые можно сделать после визита к Зурову.

1

В распоряжении Зурова бесспорно продолжает и по сей день находиться обширное собрание рукописей, документов, книг, журнальных *(и)* газетных вырезок и прочих материалов, принадлежащих трем архивам: 1) И. А. Бунина, 2) В. Н. Буниной (также отличной писательнице) и 3) самого Л. Ф. Зурова (в дальнейшем обозначаю эти три собрания словами «бунинский архив»).

В парижском архиве Бунина находятся, в частности:

1) Рукописи многих художественных и литературно-критических произведений Бунина, среди которых есть и неизданные.

2) Дневники Бунина за многие годы.

3) Собрание сочинений Бунина, изд. «Петрополиса», в 11 томах с обширной авторской правкой, сделанной незадолго до смерти писателя и с его завещательным указанием, что правка эта (весьма обширная) выражает его последнюю авторскую волю.

4) Опубликованные стихотворения с авторской правкой, а также автографы ряда неопубликованных стихотворений.

5) Рукопись неопубликованного перевода «Гамлета».

6) Наброски начатой книги по Лермонтову.

7) Рукописи «Темных аллея».

8) Большое количество (много сотен) писем к Буниным, в которых, по выражению Зурова, «вся жизнь их».

9) Обширное собрание газетно-журнальных вырезок, содержащих первопечатные публикации произведений Бунина, также отзывы критики о творчестве Бунина (Бунин намеревался издать «критику о себе» в двух томах).

10) Деловые бумаги Бунина.

11) Собрания материалов, относящихся к получению Буниным Нобелевской премии.

12) Дневники В. Н. Муромцевой, начиная с жизни в России — драгоценный источник для биографии не только самого Бунина, но и его окружения его времени.

13) Альбом В. Н. Буниной, с большим количеством записей в нем самого Бунина, Куприна, Зайцева, Алданова, Шмелева, Рахманинова и многих других.

14) Множество писем Бунина к жене за 1906—1935 гг.

Часть перечисленных материалов в единичных образцах была продемонстрирована мне Зуровым. По возвращении в Москву я попросил наших известных буниноведов А. К. Бабореко и Н. П. Смирнова,⁴ многие годы переписывающихся с Л. Ф. Зуровым, извлечь из этой переписки все сведе-

ния о хранящихся у него материалах. Сведения эти в главном и основном совпали с тем, с чем я имел возможность (повторяю — избирательно) познакомиться или услышать из уст Зурова месяц тому назад. «Свидетельские показания» А. К. Бабореко и Н. П. Смирнова я прилагаю к настоящему письму.⁵

2

Мемориально-бытового комплекса обстановки и вещей из квартиры Бунина, о покупке которых шли переговоры в 1962—1964 гг., больше не существует. Произошло это более чем печальное событие таким образом. После смерти Веры Николаевны и требования управляющего домом освободить бунинскую квартиру, Зуров перевез всю обстановку на склад. В течение ряда лет он платил за хранение вещей, но некоторое время тому назад вынужден был за отсутствием средств прекратить платежи. Все вещи погибли. Единственно, что сохранилось, лишь письменный стол Бунина. Он был выкуплен со склада парижско-русской поэтессой Величковой⁶ и составляет теперь ее собственность.

Но портреты и фотографии, висевшие на стене квартиры, также как и вещи, находившиеся на столе Бунина, Зуров сохранил, хотя, по-видимому, и не все. Но и то, что осталось, представляет большую музейную ценность.

3

В гибели мемориального комплекса квартиры Бунина Зуров, по-видимому, винит советскую сторону (прямо этого он не говорит, однако). Так или иначе, он считает, что в связи с этой гибелью оказалась нарушенной предсмертная воля Веры Николаевны Бунинной не разрознивать архив и вещи, но хранить их вместе. Данное обстоятельство, по мнению Зурова, освобождает его от обязательности переговоров о судьбе архива с советской стороной. Вместе с тем он не раз выражал в беседе согласие с моими доводами, что местом постоянного хранения бунинского архива должна быть Родина писателя.

4

Из некоторых намеков Зурова можно, кажется, сделать заключение, что Вера Николаевна сама внушила ему надежду (повторяю — он жил в семье на правах приемного сына), что бунинский архив поможет ему в его трудных материальных обстоятельствах. И поскольку соглашение с советской стороной не состоялось, Зуров, по-видимому, разрешил себе начать по-немногу делать изъятия из архива, правда, не самых ценных материалов. Во всяком случае он сказал мне, что накануне моего визита он продал некоему американцу за 1200 долларов 12 писем Марины Цветаевой к Вере Николаевне.⁷ Факт этот был приведен, по-видимому, в качестве примера того, на каких, примерно, условиях Зуров готов и теперь продать нам архив: «деньги на бочку и забирайте все, что есть у меня»; впрочем, это мои слова, а не Зурова, но они рельефнее резюмируют его мысль. При этом Зуров не раз возвращался к тому, что ни его настроение, ни его здоровье, ни помещение (комната в пять-шесть кв. метров), ни желания закончить большую творче-

скую работу не позволяют ему принять наши предложения о предварительном изучении архива, составлении его описи и прочих «бюрократических процедурах».

Помимо начавшейся утечки материалов в руки частных коллекционеров, архиву Бунина угрожает опасность и физической гибели. Трудно описать то гнетущее впечатление, которое произвели на меня условия, в которых хранятся материалы. Как сказано, Зуров живет в маленькой комнатухе-закутке. Ночует же он в соседней ванной комнате. Рукописи и книги находятся не только на столе, который служит и обеденным, и не только на полках, но и прямо на полу. Все это покрыто слоями пыли и грязи. Зуров — человек совершенно одинокой и больной. Он болен не только физически, но и психически. Как узнал в Париже, он довольно частый пациент психиатрической больницы. Кстати, данное обстоятельство само по себе весьма затрудняет переговоры с Зуровым. В разговоре он предельно рассредоточен, возбужден и как только доходит дело до конкретных предложений, он тут же уходит совсем в другую сторону. Есть у него и маниакальные пункты обид, которые также мешают переговорам — от судьбы русского мужика («что вы сделали с ним?») до смертельной обиды на Валентина Катаева за созданную им остро-гротескную и действительно неуважительную зарисовку Веры Николаевны Буниной (в «Траве забвения»).⁸

5

Хотя Зуров, по-видимому, потерял доверие ко всяким официальным переговорам с нами и не хочет их, все же расстались мы с ним с обоюдными выраженными надеждами на то, что все это дело с архивом Бунина когда-либо и как-либо «образуется», но как именно, ему неясно. Очевидно, однако, что он не хочет официальных переговоров.

На другой день я был в нашем посольстве и подробно рассказал о беседе с Зуровым советнику посольства по делам культуры А. Н. Казанскому.⁹ К сожалению, я почувствовал, что некий скептицизм по отношению к объему и ценности материалов бунинского архива внушен был моими предшественниками по встречам с Зуровым также и посольству. Но, как мне показалось, я сумел, хотя бы отчасти, убедить Казанского в неосновательности такого взгляда. На этом основании он выдвинул некоторый новый план дальнейших действий. План этот хорош также и тем, что осуществление его потребовало бы ассигнование средств не в иностранной, а в советской валюте.

Заканчивая настоящее письмо, я выражаю еще раз глубокую убежденность в том, что хранящийся у Зурова архив Бунина — это реальность, а не миф. Вместе с тем свидетельствую, реальность эта представляет выдающуюся ценность в масштабах национальной русской культуры, и что вместе с тем над этими драгоценными материалами нависла угроза полного распыления по частным коллекциям, а возможно, и материальной гибели.

Пока не поздно необходимо еще раз проявить действенное внимание к делу приобретения бунинского архива и довести это дело до конца.

С глубоким уважением

С. А. Макашин.

17 января 1969 г.

¹ К. А. Федин в то время — первый секретарь Правления Союза писателей СССР, академик АН СССР, неизменно покровительствовавший «ЛН». Марков Георгий Моисеевич (1911—1991) — писатель и общественный деятель, секретарь Правления Союза писателей. Воронков Константин Васильевич (1911—1984) — в 1959—1979 годах секретарь Правления Союза писателей по организационным вопросам.

² Зуров Леонид Федорович (1902—1971) — писатель, с 1929 года жил на вилле И. А. Бунина в Грассе.

³ Ажаев Василий Николаевич (1915—1968), Никулин Лев Вениаминович (1891—1967) — писатели.

⁴ Текст заключения о бунинском архиве Александра Кузьмича Бабореко (1913—1999) и Николая Павловича Смирнова (1898—1978) сохранился в ОРХИ ИМЛИ (Ф. 575, не разобран).

⁵ Это приложение не сохранилось.

⁶ Величковская Тамара Антоновна (1908—1990) — писатель. Письменный стол И. А. Бунина позднее поступил в экспозицию орловского музея писателя.

⁷ Письма были приобретены Г. П. Струве в 1967 году, см.: *Цветаева М. Неизданные письма*. Париж, 1972. С. 393.

⁸ Повесть В. П. Катаева «Трава забвения» впервые опубликована в 1967 году.

⁹ Казанский Аркадий Николаевич (род. 1919) — дипломат. 10 января 1969 года С. А. Макашин писал ему: «Нет никаких сомнений, что приостановившееся движение в деле приобретения архива Бунина должно возобновиться» (НА ТГОМ. Р-13. Оп. 1. № 479).

3

С. А. МАКАШИН

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

По вопросу о принципах внесения купюр в подготовленный к печати текст «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого

«Яснополянские записки» Д. Маковицкого — один из самых впечатляющих и трудоемких «макашинских» томов «ЛН», работа над которым растянулась почти на десять лет. Как это часто бывало в «ЛН», и без того сложная и кропотливая текстологическая работа, не прекращавшаяся до последней корректуры, постоянно осложнялась необходимостью согласовывать подготавливаемый текст с различными инстанциями: «внутренними» и «внешними» рецензентами рукописи, Ученым советом ИМЛИ, членами редколлегии «ЛН», редакторами издательства «Наука», чиновниками Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли СССР (Госкомиздат) и т. д. (как результат — редкий том «ЛН» обходился без так называемой «сверхнормативной» правки, стоимость которой издательство часто предлагало вычесть из гонораров авторов «ЛН»).¹

Внимание цензурных инстанций к «ЛН» было особенно пристальным после известного скандала с томом «Новое о Маяковском»,² жертвой которого пали не только вторая его книга, но несколько разделов в томе «Чехов», том писем А. А. Блока Л. Д. Менделеевой-Блок (издание его состоялось почти 20 лет спустя) и др.³ В этих условиях редакторы «ЛН» не могли не идти на «упреждающую» автоцензурную правку.

¹ См. в письме С. А. Макашина и Н. А. Трифонова в издательство «Наука» от 25 сентября 1978 года: «Означенная правка возникла (...) в результате предложений Госкомиздата, акад. М. Б. Храпченко и издательских редакторов о введении дополнительных купюр в текст «Записок» и новых идеолого-корректирующих материалов в вводные статьи и комментарии (перевёрстка вызвана именно этими видами правки)» (НА ТГОМ. Р-13. Оп. 1. № 494).

² См.: Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958—1964: Документы / Сост. Е. С. Афанасьева, В. Ю. Афиани, Л. А. Величанская, З. К. Водопьянова, Е. В. Кочубей. М., 1998. С. 141—149.

³ Чиновники ЦК КПСС критиковали тогда «ЛН»: «...выпущены в свет и такие книги, в которых содержатся грубые ошибки, допущено отступление от принципов марксистско-ле-

Публикуемый ниже доклад С. А. Макашина Ученому совету ИМЛИ демонстрирует несколько примеров как такого рода сокращений, так и продиктованных текущими политическими требованиями (недавние советско-китайские территориальные притязания и пограничные конфликты, «еврейский вопрос» в СССР и т. п.).⁴

нинского литературоведения на буржуазно-объективистские позиции, проявилось стремление публиковать случайные, малозначительные, сугубо личные факты и подробности, бросающие тень на передовых представителей русской культуры прошлого. Так, например, в томе „Литературного наследства“, посвященном Герцену, опубликована переписка, воспроизводящая подробности интимной связи жены Герцена с поэтом Гервегом... В томе о Чехове снова коллекционируются подчас совершенно случайные и ненужные материалы, заслоняющие существенные стороны чеховского наследия. В подборке „Письма разных корреспондентов“ содержится много спорных и неверных высказываний о Л. Толстом, М. Горьком, даются резко отрицательные характеристики их творчества» (Документы свидетельствуют...: Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД): Вокруг творческого наследия Маяковского / Вступление, публ. и прим. Л. Пушкаревой // Вопросы литературы. 1994. № 2. С. 212—213).

⁴ Так, анонимный рецензент Госкомиздата призывал купировать, в частности, все «высказывания» Толстого «о социализме, евреях»: «Здесь есть богатейший материал для советологов, ибо они давно ждали таких уничтожающих реплик великого русского писателя о революции и Горьком. Антигосударственные идеи Толстого иногда приближают его к современным „диссидентам“, в то же время он иногда явно близок к черносотенцам, любил читать их прессу и в особенности „Новое время“, ненавидел либералов. В современном Китае с большим удовольствием прочтут и непременно используют мысли Толстого и его предсказания о судьбе Китая, о его культуре и т. д.» (Архив «ЛН»).

Как было доложено мною Ученому Совету и как об этом будет сказано читателям в предисловии «От редакции» в т. 90 «Литературного наследства», огромный дневник Д. П. Маковицкого принципиально и практически не допускает публикации in extenso.¹

Во-первых, некоторые места текста дублируют друг друга, а другие изложены столь несовершенно, что не поддаются сколько-нибудь удовлетворительному осмыслению;

во-вторых, в дневнике есть записи, не имеющие никакого отношения к Толстому и, вместе с тем, не представляющие сколько-нибудь существенно го интереса в каком-либо другом отношении;

в-третьих, есть в дневнике записи одиозного характера. Если бы они были оставлены в тексте, они, несомненно, привлекли бы к себе внимание Главлита. Большая часть этих последних записей воспроизводит высказывания не самого Толстого, а членов его семьи и посетителей яснополянского дома;

в-четвертых, имеются неудобные для печати записи, относящиеся к некоторым сторонам семейной драмы Толстого;

в-пятых — такие же записи, относящиеся к врачебной практике Маковицкого.

В письмах к друзьям и знакомым Маковицкий не раз признавал, что «немыслимо» представить себе совершенно полную публикацию его дневника. «Мне некогда разбираться, что важно и что неважно, — говорил Маковицкий — записываю все. Пусть редакторы берут, что им нужно».² Редакторы издания нашли вполне обоснованной эту «авторскую волю». Ряд купюр был сделан по рекомендации рецензентов рукописи К. Н. Ломунова, Л. Д. Опульской и А. И. Шифмана.³ В разработанной «Литературным наследством» эдиционно-текстологической инструкции для подготовки издания дневника Маковицкого, пункт 17, относящийся к изъятиям (купюрам) текста, сформулирован следующим образом:

«Исключаются из публикации записи:

а) „дубликатные“, оставшиеся в тексте случайно, по недосмотру или в расчете на последующий выбор редактора одного из двух предложенных вариантов;

б) „плохо записанные“, не поддающиеся уяснению, хотя бы в основном смысле;

в) „не относящиеся к Толстому“ и вместе с тем не представляющие сколько-нибудь существенного интереса в каком-либо другом отношении;

г) „интимно медицинские“ — о болезнях Толстого и членов его семьи, а также некоторые записи, характеризующие врачебную практику Маковицкого среди крестьян;

д) „о семейной драме Толстого“ и о психической болезни Софьи Андреевны, — изымаются резко враждебные, ругательные и тенденциозные отзывы о Софье Андреевне Александры Львовны и некоторых обитателей яснополянского дома;

е) идеологически и политически-одиозные высказывания Толстого и его собеседников о революционерах и социалистах, о Марксе и партийности, о евреях и еврейском вопросе, о русско-корейской (sic!) границе и др.»

Сделанные редакцией купюры в тексте не обозначаются и в примечаниях не оговариваются. Указания на то, что текст публикуется не полностью и принципиальная мотивировка данного обстоятельства содержится в предисловии «От редакции» и в редакционной же справке «Источники и принципы публикации».

К купюрам следует отнести также и изъятие приложенных Маковицким к своему дневнику некоторых писем, полученных Толстым, и ответов на эти письма самого Толстого и Маковицкого, по поручению Толстого. Переписка эта, духовно-религиозного содержания, в подавляющей своей части уже известна в печати по юбилейному 90-томному Собранию сочинений и писем Толстого. Все письма Толстого напечатаны здесь полностью и по автографам, а наиболее интересные письма к Толстому использованы в примечаниях.

В отличие от купюр, обозначенных выше, пропуски приложенных к соответствующим местам дневника писем всюду оговариваются в примечаниях, со ссылками на том Юбилейного издания, в котором опубликованы соответствующие письма Толстого.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Несколько примеров купюр, сделанных в дневнике Маковицкого при подготовке текста к изданию.

Член редколлегии «Литературного наследства», ответственный за подготовку издания т. 90 — «Яснополянские записки» Маковицкого

С. Макашин.

15 июля 1976 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСКЕ

Несколько образчиков купюр, внесенных в подготовленную к печати
рукопись дневника Д. П. Маковицкого

26 октября 1904 г.

Войну за выход к незамерзающему морю надо рассматривать, (обдумывать, взвешивать) с точки зрения сибиряков, а они скажут, что им нужно. Северные народы тянутся в более теплые края.

— С этим я вполне согласен, — сказал Л. Н. — Сибирякам выбирать, под чьим правительством хотят жить. Но если видят, что за это гибнут десятки, сотни тысяч русских и столько издержек, что они будут обременять даже следующие поколения, то они лучше откажутся от России.

Я рассказывал, что Кропоткин говорил еще, что Маньчжурия должна принадлежать Китаю.⁴ Китайцы — душа народа. Однако же японцы хотят захватить Пекин и из мирных китайцев сделают солдат.

4 марта 1905 г.

Американцы такие же дельцы и барышники, как и евреи; они считают наживу и обогащение целью жизни. Кто так не поступает, того они считают дураком. Поэтому они не могли понять кишиневских событий:⁵ по их мнению, еврей-эксплуататоры поступают правильно, а русский народ глуп; почему же он бьет тех, кто с ним не конкурирует, у кого он может учиться? Евреи достигнут огромного влияния в Америке, благодаря тому, что все они отдают своих детей учиться. Итальянцы и др. посылают своих детей на фабрики, чтобы они зарабатывали. Ирландцы пропивают заработок, не отдают детей в школы, дети сами на себя зарабатывают. В Нью-Йоркском университете 93% слушателей — евреи. Через 20 лет интеллигенция (адвокаты, врачи) будет еврейской.

7 ноября 1905 г.

Л. Н.: Мне ночью хорошо думалось о социализме, теперь не так ясно. Социализм — это отсутствие (нравственных) идеалов и отрешение от остатков свободы. Тульский рабочий на самоварной фабрике, не видящий (ничего) дальше своего носа, примкнет к социал-демократии, когда ему скажут: «Теперь барыш идет хозяину; в социалистическом государстве будет делиться между рабочими». Они хотят, чтобы все было государственное, т. е. заставят потом работать всех предметы первой необходимости и потом раздавать из общего, кому что нужно, как у духоборов в Канаде.

Мария Александровна:⁶ Ведь это мерзость! Обезличится каждый человек.

Л. Н.: Да, уж хуже этого ничего быть не может. Будет царствовать одно насилие.

29 ноября 1906 г.

По словам Николая Леонидовича,⁷ Сулержицкий⁸ говорил, что Горький не сочувствует социал-демократическому течению, но не сопротивляется ему: у него нет мужества отречься от него, потому что его сейчас же бы свергли с пьедестала (кончилась бы его слава).

13 июня 1908 г.

О еврейском вопросе договорились до того, что Николаевы⁹ признали, что евреи — ненавистники русского народа и что нельзя о них говорить лег-

комысленно, повторяя то, что пишут сами они в газетах о себе и об отношении человека к ненавистникам к ним.

23 июня 1908 г.

Это интересовало его, узнал, как русские дипломаты завладели Маньчжурией и Шангунгом. Русское правительство взяло сперва Порт-Артур, за ним немецкое взяло Кио-Чао, а английское Вен Хай-Вей.¹⁰ И за это ограбление китайцев русским правительством Л. Н.-чу тяжело, досадно, стыдно.

Я принес Л. Н.-чу, у которого геморроидальное кровотечение, коробку нарезанной марли с ватой и восковой бумагой, промоченной борной водой, для употребления при отправлениях. Л. Н. отказывался.

Сентябрь 1910 г.

Утром П. И. Бирюков¹¹ рассказал мне, почему у Софьи Андреевны половая ревность к Черткову,¹² она прочла в дневнике Л. Н. молодых лет, что он мало влюбчив в женщин, а больше в мужчин: в Пушкина, в Дьякова¹³ и других, которых любит и уважает, но тут же прибавляет Л. Н., что никаких противоестественных влечений у него нет.¹⁴ Она же это переводит на Чертова.

Июнь 1910 г.

Она (Софья Андреевна) говорила Дунаеву,¹⁵ что если Л. Н. увидится с Чертковым, она себя убьет. Дунаев же и Александра Львовна¹⁶ на это смотрят, как на пустые слова (себя она не убьет), но оба высказались, что она может убить (застрелить) Л. Н.

Ноябрь 1910 г.

В 5 ч. вечера Л. Н. мне:

— Давайте, чтобы что-нибудь было.

— Чтобы что было?

— Не понимаете? Делайте, чтобы что-нибудь было.

Владимир Григорьевич догадался, что надо горшок. Так и было.

Еще сказал Л. Н.:

— Не довольно проявление (или проявления). Ах, ах, ах! Как эта икота...

¹ In extenso (лат., букв. «в длинном виде») — дословно, полностью.

² Из воспоминаний С. М. Белинского, приведенных в предисловии Э. Е. Зайдenschнур (Лит. наследство. Т. 90. Кн. 1. С. 56).

³ Рецензии К. Н. Ломунова, Л. Д. Опульской и А. И. Шифмана сохранились в Архиве «ЛН». А. И. Шифман, в частности, одобрительно отзывался о цензуровании «ЛН» «некоторых записей о мелких событиях, не представляющих общественного интереса, о бытовых мелочах яснополянской жизни, об интимно-медицинских деталях лечения Толстого и его близких» (от 12 июня 1975 года — Архив «ЛН»). К. Н. Ломунов рекомендовал «освободить» книгу от записей, в которых «затрагиваются чувства национального достоинства отдельных народов (см. суждения о евреях, армянах, японцах и др.)», фиксации «малозначительных событий или событий интимного характера (касающихся семейной драмы Толстого)», а также придать «корректирующий характер» комментариям к «негативным суждениям писателя о деятелях освободительного движения или известных литераторах» (от 17 июня 1975 года — Там же).

⁴ П. А. Кропоткин в 1864 году участвовал в экспедиции в Северную Маньчжурию, входившую в состав Китая, о чем вспоминал позднее в «Записках революционера» (1902). Однако в этой книге приводимого утверждения не содержится. В начале XX века Россия проводила политику закрепления в Маньчжурии (вплоть до создания в ней «Желтороссии»).

⁵ Имеется в виду один из наиболее известных еврейских погромов, состоявшийся 6—7 апреля 1903 года в Кишиневе. По поводу его Л. Н. Толстой обратился к кишиневскому городскому голове К. А. Шмидту и к доктору И. С. Мучнику с письмом и пожертвовал в пользу кишиневских евреев 15 тыс. руб.

⁶ Шмидт Мария Александровна (1844—1911) — близкий друг и единомышленница Л. Н. Толстого.

⁷ Оболенский Николай Леонидович, кн. (1872—1934) — помещик, зять Л. Н. Толстого.

⁸ Сулержицкий Леопольд Антонович (1872—1916) — режиссер; знакомый, корреспондент и адресат Л. Н. Толстого.

⁹ Семья экономиста и переводчика Сергея Дмитриевича (1861—1920) и Ларисы Дмитриевны (1875—1956) Николаевых.

¹⁰ Упомянутые эпизоды относятся к 1895 году, когда тихоокеанская и средиземноморская эскадры России совместно с эскадрами Франции, Германии и Великобритании участвовали в дипломатическом противостоянии Японии, которой в результате пришлось освободить захваченные ею в ходе войны с Китаем порты Артур, Вей-Хай-вей и Циндао (у Толстого: Кю-Чо).

¹¹ Бирюков Павел Иванович (1860—1931) — литератор и общественный деятель.

¹² Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — литератор и общественный деятель, издатель.

¹³ Александр Иванович (1827—1903) или Алексей Иванович (1825—1879) Мусин-Пушкин — один из дальних родственников Толстого. Дьяков Дмитрий Алексеевич (1823—1891) — помещик, крестный отец Т. Л. Толстой, друг семьи Л. Н. Толстого.

¹⁴ Имеется в виду запись от 29 ноября 1851 года: «Я никогда не был влюблен в женщин. (...) Я влюблялся в м[ужчин], прежде чем имел понятие о возможности педрастии (sic!); но и узнавши, никогда мысль о возможности соития не входила мне в голову».

¹⁵ Дунаев Александр Никифорович (1850—1920) — банковский деятель; последователь и близкий знакомый Л. Н. Толстого.

¹⁶ Толстая Александра Львовна (1884—1979) — дочь Толстого.

4

ИЗ ИСТОРИИ ТОМА «ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ»

Идея издания «замятинского» тома относится к одному из тех начинаний С. А. Макашина в «ЛН», которым не суждено было осуществиться.

17 сентября 1987 года в беседе с М. В. Радзишевской С. А. Макашин вспоминал, как в 1967 году он «пошел к Константину Александровичу Федину, который возглавлял тогда Союз писателей. Я говорю: „Константин Александрович, вот принял бы сегодня одного буниноведа.¹ Вот один из членов комиссии сказал: «Отчего не заняться Буниным?»» Он говорит: „Великолепная идея. Займитесь этим. Но сначала я попрошу вас заняться Замятиным. У нас здесь создается комиссия по литературному наследию Евгения Замятина.² — (Был такой там Дорофеев,³ он работал в Гослитиздате тоже, ну, а потом работал в аппарате Союза писателей. Вот он организовал.) — Мы вас просим быть председателем этой комиссии, и давайте издадите... сначала (я вам буду помогать) том по Замятину, а потом том по Бунину”. Я говорю: „Константин Александрович, не просите меня об этом”, — „Почему?” Я говорю: „Во-первых, я не могу понять, почему я должен возглавлять комиссию по Замятину, когда вы друг Замятина личный, вы с ним вместе работали и вы председатель Союза писателей, у вас возможности

¹ Речь идет о А. К. Бабореко, позднее активно участвовавшем в подготовке «бунинского» тома. См. об этом, а также о роли С. А. Макашина в этой работе: Бабореко А. Дороги и звоны: Воспоминания. Письма. М., 1993. С. 88, 171—172. Poleмику с оценкой С. А. Макашина см.: Трифонов Н. А. Неверные «звоны» // Литературная Россия. 1994. 18 нояб.

² Эти намерения инициировал московский литератор Александр Николаевич Стрижев (род. 1934), собиравший материалы о Е. И. Замятине с 1966 года и встречавшийся по этому поводу с К. А. Фединыным и другими советскими писателями с 1967 года. 14 октября 1967 года он, в частности, обратился в Секретариат Союза писателей СССР с письмом о необходимости поиска и возвращения архива Е. И. Замятина на родину, см.: Замятин на фоне эпохи / Публ. А. Н. Стрижева // Литературная учеба. 1994. № 3. С. 114.

³ Дорофеев Виктор Петрович (1900—1972) — редактор и критик.

совершенно не сопоставимы с моими». Он сказал: „Вот именно поэтому мне и неудобно быть. Но я обещаю вам всяческую, так сказать, помощь”. Я говорю: „Ну, помощь заключается прежде всего в том, что нужно ехать в Париж и постараться заполучить, купить архив Замятина, потому что он хранится у Зайцева Бориса Константиновича”. — „Вот поезжайте в Париж, мы вам дадим командировку. Заодно там поищите материал о Буине”.

Ну, я взял себе месяца три на подготовку, подготовился, и составил список лиц, которые знали лично Замятина, покойного уже, и которые знали Бунина. (...) Я составил при помощи Бабореко и других буниноведов список живых литераторов, которые знали Бунина и Замятина, потому что я маленький доклад сделал там на секретариате Федину и сказал, что, если серьезно браться в масштабах такого источниковедческого издания, как „Литературное наследство” за издание томов Замятина и Бунина, то нужно поговорить со всеми людьми, которые их знали, потому что половина их жизни прошла за границей. Как же можно, так сказать, писать, не опросив этих людей, не попросив их написать воспоминания, не собрав письма и так далее. Константин Александрович со мной совершенно согласился.

Я составил список, примерно там человек двадцать было. Ну... в это время Федин уехал в Берлин лечиться, замещал его тогда Озеров Виталий Михайлович.⁴ Ну, сейчас я произнесу грубое слово (я их не люблю произносить, но из песен слов не выкинешь): когда я ему дал на подпись этот список, с кем я должен встретиться во Франции, в Париже, на юге Франции, он посмотрел и сказал: „И охота вам с таким дерьмом знаться?” Это все были друзья Бунина, в том числе там был такой крупный писатель, как Борис Зайцев. Конечно, не такого масштаба, как Бунин — Бунин, так сказать, классик...

Ну, я его не послушал, я пошел в ЦК, хотя я не член партии, и сказал, что, вот, Федина, так сказать, нет, его заместитель мне так ответил — мне нет смысла ехать, потому что же я буду в библиотеках только, так сказать, искать архивы его? А они же были эмигрантами, наверняка это все у них, так сказать, по домам. Ну, в ЦК оказались люди более понятливые, чем этот. Мне разрешили: пожалуйста, встречайтесь, с кем угодно. Я показал им письма, которые я всем написал, всем, с которыми я хотел встречаться. Это все эмигранты, писатели».⁵

Переговоры С. А. Макашина с Б. К. Зайцевым и Н. Б. Зайцевой-Соллогуб, унаследовавшей после смерти вдовы Е. И. Замятина Л. Н. Замятиной парижский архив писателя, начались в 1968-м и продолжились в 1970, 1976 и 1977 годах. Несмотря на свою исключительную занятость другими томами «ЛН», С. А. Макашин не оставлял идеи «замятинского» тома и вернулся к ней в начале 1980-х годов, накануне 100-летия со дня рождения Е. И. Замятина.⁶ Тогда и был сформирован окончательный проект тома, датируемый 1983 годом и публикуемый ниже.

⁴ Озеров Виталий Михайлович (1917—2007) — литературовед, работал на руководящих постах в «Правде», «Литературной газете» и др., с 1967 года секретарь Правления Союза писателей.

⁵ Отдел устной истории Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова, № 844. Кроме перечисленных инстанций, эти списки согласовывались с Иностранной комиссией Союза писателей СССР и Посольством СССР в Париже.

⁶ В архиве «ЛН» сохранился 1-й экземпляр машинописного обращения А. Н. Стрижева в Правление Союза писателей СССР от 4 января 1982 года с просьбой «рекомендовать» ИМЛИ АН СССР включить замятинский том в план редподготовки «ЛН».

По воспоминаниям участников тома (А. Н. Стрижев, Е. Ц. Чуковская), с этим проектом С. А. Макашин обратился «наверх»,⁷ где ему рекомендовали оставить идею этого издания. А через три года, в 1986 году, в Воронеже тиражом 50 000 экземпляров вышел сборник Е. И. Замятина «Повести. Рассказы», подготовленный одним из участников «замятинского» тома «ЛН» О. Н. Михайловым.

⁷ Скорее всего, в Отдел культуры ЦК КПСС, к сотрудникам которого А. А. Беляеву, И. С. Черноуцану и др. И. С. Зильберштейну и С. А. Макашину приходилось часто обращаться в 1960—1980-е годы. 100-летие Е. И. Замятина было отмечено в СССР одной публикацией, см.: *Кастров Д. Художник слова: О писателях-земляках // Путь Октября. Лебедянь, 1984. 30 августа.*

С. А. Макашин — Н. Б. Зайцевой-Соллогуб

1

21 ноября 1969 г.
№ 200

Глубокоуважаемая Наталья Борисовна!

К Вам обращается редакция «Литературного наследства».

Нашу редакцию интересует судьба заграничного архива писателя Евг. Замятина. По имеющимся у нас сведениям, а вернее, слухам, большая и главная часть бумаг из этого архива ушла, к сожалению, в США (в Колумбийский университет?),¹ другая же, меньшая, но также весьма ценная, часть находится в Вашем распоряжении.

Мы обращаемся к Вам с двумя вопросами.

Первый вопрос частного порядка. Нет ли в бумагах Замятина каких-либо материалов, относящихся к И. А. Бунину? Вы, вероятно, знаете, что один из ближайших томов нашего «Литературного наследства» будет специально посвящен Бунину. Так вот, в связи с работой над этим «бунинским томом» нас интересуют всякого рода материалы, относящиеся к жизни и творчеству Ивана Алексеевича. В частности, нас интересует существовали ли какие-либо личные или творческие взаимоотношения между Буниным и Замятиным? Мы были бы Вам весьма признательны за сообщение любых сведений, относящихся к этой теме.

Второй вопрос общего характера. Мы убеждены, что архив Е. Замятина, как и архивы всех других крупных русских писателей за рубежом, в первую очередь, конечно, архив Бориса Константиновича, представляют такие ценности общенациональной русской культуры, которые должны рано или поздно получить место вечного хранения на Родине этих писателей. Мы знаем, что в отношении архива Бориса Константиновича соответствующие переговоры с Вами уже ведутся. Но нельзя ли было распространить эти переговоры и на находящуюся у Вас часть архива Замятина?

В случае Вашего согласия вступить в переговоры, мы поставим об этом в известность Центральный Архив Литературы и Искусства в Москве, с директором которого Н. Б. Волковой² Вы, если не ошибаюсь, знакомы.

С уважением и приветом

член редколлегии «Литературного наследства»

С. Макашин.

Р. S. Полное отсутствие времени не позволило мне в прошлом году, когда я был в Париже, посетить Бориса Константиновича и лично вручить ему

листки клена из рощи вокруг «дворянского гнезда» в Орле, где я был на тургеневском юбилее.³ Но по делам архива Бунина я виделся с Л. Ф. Зуровым и просил его передать эти листки Борису Константиновичу.

¹ Эта большая часть архива Е. И. Замятина была передана в Колумбийский университет вдовой писателя Л. Н. Замятиной; ныне хранится в: Bakhmeteff Archive, Rare Book & Manuscript Library, Butler Library, Columbia University.

² Волкова Наталья Борисовна (род. 1924).

³ В 1968 году С. А. Макашин был назначен заместителем председателя Всесоюзного юбилейного комитета по празднованию 150-летия И. С. Тургенева. О празднествах в Орле см.: *Макашин С. На родине Тургенева* // Советская Россия. 1968. 25 октября.

2

24 июля 1982 г.

Многоуважаемая и дорогая Наталья Борисовна!

Позвольте напомнить о себе и вернуться к нашим разговорам в Париже о некоторых рукописях и других материалах Е. И. Замятина, а также к вопросу о судьбе архива Бориса Константиновича. Сначала об этом, последнем вопросе. Недавно, в качестве члена редакционного Совета издательства «Художественная литература», я вновь поставил вопрос о необходимости перевести наконец издание однотомника избранных сочинений Б. К. из перспективного плана, где это издание давно уже присутствует, в план практической подготовки и выпуска (состав однотомника был определен Б. К. в письме ко мне, в Париже, на другой же день после нашей встречи на Вашей старой квартире).¹ При обсуждении этого вопроса, встал и другой, о судьбе архива Б. К. Я нисколько не преувеличу, сказав Вам, что вся наша литературоведческая общественность, на том ее участке, который имеет отношение к делу собирания и сохранения архивов отечественной литературы, единодушна в том, что архив известного русского писателя Бориса Зайцева должен получить «прописку» на постоянное и вечное хранение на родине писателя, в России. Другими словами, мы полагаем, что настало время для передачи всех сохранившихся бумаг Б. К. и других документальных материалов в один из государственных архивов нашей страны.

Сообщая Вам об этом, очень прошу Вас обсудить этот вопрос и принять положительное и, по возможности, действенное его решение. В конце концов сейчас только на Вас обстоятельства возложили ответственность за это дело, принадлежащее литературе русской. Б. К. был москвичом и любил Москву. Поэтому передать его бумаги следовало бы в один из московских архивов, лучше всего в Центральный Архив Литературы и Искусства (ЦГАЛИ). Здесь сосредоточены архивные собрания большинства русских писателей XX века, в том числе И. А. Бунина (именно сюда передала часть его архива Вера Николаевна и сюда же поступил от Т. А. Осоргиной архив ее покойного мужа).² Как член Ученого Совета ЦГАЛИ я могу заверить в образцовом состоянии хранения материалов в этом архивном учреждении. Прошу также иметь в виду, что Вы можете, если найдете это нужным, наложить запрет на обращение к некоторым бумагам. В таком случае вложите эти бумаги в отдельный пакет и сделайте на нем соответствующую запрещающую надпись, указав срок запрета (25—50 лет).

Если Вы примите решение о передаче архива, то доставить бумаги в Москву (а также желательно фотографии, книги с надписями и другие документальные материалы) необходимо будет через Советское посольство. Но ни ходить Вам туда, ни писать какие-либо заявления Вам не придется.

К Вам заедет советник по культуре (в день и час, Вами назначенный), заберет материалы и даст Вам расписку. А из ЦГАЛИ Вы получите через какое-то время подробную опись всего полученного.

Теперь о бумагах Е. И. Замятина.

Редакция «Литературного наследства» задумала создать специальный том своего издания, посвященный Замятину (аналогичный по типу нашему «бунинскому тому»). Главный архив его хранится у нас в Москве.³ Возможно, что кое-что мы получим также из тех материалов, которые по воле Людмилы Николаевны оказались в Колумбийском Университете Нью-Йорка. Но главныйший интерес представляют для нас лекции по русской литературе, которые Замятин читал в 1920-е годы в петроградском Доме искусств.⁴ Во время наших с Вами встреч Вы говорили, что рукопись (вероятно, машинопись?) этих лекций была передана для издания в Италии⁵ и что, если в обусловленный срок издатель не издаст эти материалы, Вы сможете передать их для издания нам, в «Литературное наследство». С тех пор, как состоялись эти разговоры, прошло уже несколько лет, и нужно думать, что все договорные сроки с итальянским издателем давно миновали. Очень прошу Вас сообщить мне, как обстоит здесь дело и можно ли надеяться на получение этих лекций для опубликования? Помните, Вы дали мне одну из этих лекций (она точас же, по возвращении моем в Москву, была передана на постоянное хранение в ЦГАЛИ). Судя по этому образцу, лекции эти — материалы первостепенного интереса, и они одни могли бы решить вопрос быть или не быть «замятинскому тому» «Лит. наследства». Добавлю к сказанному, что если бы эти лекции и появились в Италии на итальянском ли, на русском ли языках, данное обстоятельство не помешало бы их издать в Москве.

Мы ведем сейчас работу над подготовкой издания «русско-итальянского» тома «Лит. наследства» и связаны с рядом лиц в Италии, участвующими в этом деле, в том числе с сыном Вяч. Иванова.⁶ Может быть, через них можно было бы, будь на то Ваше желание и Ваше согласие, вызволить замятинские «лекции».

Сверх «лекций» нас интересуют и те документальные изобразительные материалы, которые я видел в «замятинской комнате» Вашей прежней квартиры: фотографии, афиши замятинских спектаклей, книги с надписями и др. Материалы эти показывала мне молодая чешка, фамилию которой я забыл.⁷ Все эти материалы также следовало бы передать на постоянное хранение в Москву, в ЦГАЛИ.

Вот, многуважаемая и дорогая Наталья Борисовна, мое очень важное деловое послание Вам, за обширность которого прошу заранее прощения.

Мне осталось добавить, что все эти дела мы обговорили также с Натальей Иосифовной Ильиной.⁸ Она едет на днях во Францию, будет сначала где-то на юге, а потом в Париже, где свидится с Вами и добавит к моей слезнице свою. Узнал от нее, что у Вас и Андрея Владимировича⁹ не все ладно со здоровьем. Это, конечно, не весело. Сочувствую Вам и надеюсь на лучшее. Но и у нас примерно такое же положение дел. Здоровье Таисии Михайловны¹⁰ неважно, она очень страдает от болей (артроз).

Всего Вам доброго. Т. М. и я низко кланяемся Вам и Андрею Владимировичу.

Ваш С. Макашин.

Р. С. Н. И. любезно согласилась передать Вам книгу с моей статьей (послесловием). В основе статьи лежит доклад, который я читал в парижском Институте славяноведения. Помните, что Вы присутствовали на этом чте-

нии. Увы! Иллюстрации Кукрыниксов не соответствуют моему пониманию «Истории одного города», как оно изложено в статье.¹¹

Р. Р. С. Сейчас разговаривал по телефону с Н. Б. Волковой, директором Центрального Архива Литературы и Искусства (она была у Вас несколько лет тому назад и вела переговоры с Борисом Константиновичем о судьбе его бумаг). Она просила передать Вам вместе со своим приветом, что возглавляемое ею учреждение будет счастливо принять на постоянное хранение архив Вашего отца. При этом она просила еще сообщить Вам, что в связи с передачей Архива Вы могли бы на какой-то желательный для Вас срок приехать в Москву (может быть, также и в Ленинград) за счет Главного Архивного Управления, за исключением, впрочем, стоимости дороги от Парижа до Москвы (т. е. Вам была бы оплачена комната в гостинице, полная стоимость всего пребывания у нас и обратный путь до Парижа, самолетом или поездом).

Что касается транспортировки архива через Советское посольство, то Вы могли бы запаковать бумаги в несколько пакетов и, запечатав их, передать их под расписку сотруднику посольства, который бы приехал к Вам в назначенное Вами время по нашему, отсюда, телефонному звонку.

¹ 23 ноября 1970 года Б. К. Зайцев писал С. А. Макашину: «...предлагаю список рассказов, возможных для опубликования в России. Разумеется, я остаюсь по-прежнему эмигрантом. Книга должна называться „Голубая звезда“: „Молодые“, „Студент Бенедиктов“, „Маша“, „Жемчуг“, „Вечерний час“, „Голубая звезда“, „Малые сии: 1. Домашний лар, 2. Республиканец Кимка, 3. Сережа“, ниже приписано еще три названия: „Аграфена“, „Печаль полей“ и „Дальний брат“ (НА ТГОМ. Р-13. Оп. 1. № 479). О согласии издательства «Художественная литература» на издание сборника Б. К. Зайцева С. А. Макашин сообщил его дочери в феврале 1972 года (НА ТГОМ. Р-13. Оп. 1. № 491). По впечатлению С. А. Макашина, издание сборника могло стать «предварительным условием каких-либо переговоров о передаче определенной части архива» писателя в СССР (отчет о поездке во Францию в Секретариат и Иностранную комиссию Союза писателей — Архив «ЛН»). Издание не состоялось.

² Архив М. А. Осоргина оказался в РГАЛИ несколько иным, чем описывает С. А. Макашин, образом. В 1940 году он был вывезен из Парижа немцами вместе с фондами русской Тургеневской библиотеки и оказался в Праге, откуда Советская Армия вывезла его вместе с другими документами в СССР. Часть этого архива М. А. Осоргина находится ныне в Российском государственном военном архиве (в составе бывш. Центра хранения историко-документальных коллекций, преемника Центрального государственного Особого архива СССР), часть — в РГАЛИ, часть — в НИОР РГБ. Осоргина (урожд. Бакунина) Татьяна Алексеевна (1904—1995) — историк, библиограф, жена М. А. Осоргина.

³ Имеется в виду фонд Е. И. Замятина, сформированный на основе его архива доэмигрантского периода; ныне — в ОРХИ ИМЛИ (Ф. 47).

⁴ По копиям, полученным от Н. Б. Зайцевой-Соллогуб, замятинские лекции под названием «Техника художественной прозы» опубликованы позднее А. Н. Стрижевым: Литературная учеба. 1988. № 6. Другая копия была передана С. А. Макашиным в РГАЛИ (Ф. 1776. Оп. 1. Ед. хр. 5).

⁵ Речь идет об издании: *Zamjatin E. Tecnica della Prosa / A cura di M. Olsoufieva. Bari, 1970. 152 p.*

⁶ Иванов Дмитрий Вячеславович (1912—2003) — журналист, сын Вяч. Иванова. О русско-итальянском томе см. прим. 54 к документу 1.

⁷ Хобзова Дагмар (Hobzova Dagmar, род. 1942) — франко-словацкий лингвист. Составила описание парижской части архива Е. И. Замятина, см.: *Hobzova D. Catalogue des archives parisiennes d'Eugenij Zamjatin // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Paris, 1972. № 13. P. 232—285.* Ныне материалы этого архива составили замятинский фонд в: *Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (Нантерр, Франция).*

⁸ Ильина Наталия Иосифовна (1914—1994) — писатель.

⁹ Граф Соллогуб Андрей Владимирович (1906—1996) — экономист и инженер, банковский работник, муж Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

¹⁰ Велембовская Таисия Михайловна (1912—1994) — жена С. А. Макашина.

¹¹ Речь идет об издании «Истории одного города» (М., 1981).

3

18 марта 1983 г.

Исх. № 73

Многоуважаемая Наталья Борисовна!

Хотя я и опасаясь навлечь на себя сильный гнев Ваш за свою, быть может, действительно неприличную настойчивость, все же решаюсь вновь и вновь обратиться к Вам с известной Вам даже не просьбой, а мольбой о присылке лекций Е. И. Замятина. И решаюсь я на это лишь потому, что мне уже 77 лет и скоро я отойду от работы в «Литературном наследстве». А без меня — это, поверьте, не нескромность — «замятинский том» не будет издан. Издать же его необходимо в интересах русской литературы и никаких других интересов в этой моей просьбе у меня нет.

Еще раз повторяю Вам: наше издание (если будут присланы «лекции») могло бы выйти не ранее чем через 4—5 лет (это средний срок подготовки наших томов к изданию), т. е. не ранее 1987—88 гг. До этого времени Вы могли бы издать лекции на Западе, если действительно для них найдется издатель. Нас бы такое издание не остановило. Ведь издание «лекций» требует статей и комментариев, которые, конечно, у нас будут другие, чем у иностранных издателей.

Затем, не обязательно, чтобы «лекции» были присланы в подлинниках. Мы удовлетворились бы и хорошими (отчетливыми) ксерокопиями, изготовление которых стоит (по крайней мере у нас) копейки.

Итак, еще одна мольба, к Вам обращенная. Неужели она останется глазом вопиющего в пустыне?!

Всего доброго Вам и многоуважаемому Андрею Владимировичу и не сердитесь на меня.

С глубоким уважением

С. Макашин.

4

С. А. Макашин — Т. А. Бакуниной-Осоргиной

6 мая 1983 г.

Многоуважаемая Татьяна Алексеевна!

Простите, что с большим опозданием благодарю Вас за письмо и за все сведения, которые в нем содержатся. Ваши замечания, относящиеся к отдельным словам в моем предисловии к книге «Герцен и Запад», я нашел вп(олне) справедливыми и с благодарностью принял их.

«К вопросу о Нечаеве возвращаться не имеет смысла», — пишете Вы. Я думаю об этом иначе. Я полагаю, что обширная публикация С. В. Житомирской и Н. М. Пирумовой,¹ в которой впервые собрана воедино вся главная документация, относящаяся к «нечаевской истории» 1870 г. и к участию в ней Огарева, Бакунина и Таты, представляет значительный интерес как для историков, так и для литературоведов. Для последних — по значению, какое Нечаев и «нечаевщина» имели для «Бесов» Достоевского. Но даже и тот материал, который был опубликован Конфино, необходимо повторить у нас. Наш взгляд на предмет несколько иной. Да и «Cahiers du monde Russe et Soviétique» — издание, мало у нас известное.²

Хорошо, мы Вас поблагодарим по Вашему желанию более скромно. Но не могу не скрыть, что меня удивили и огорчили Ваши слова: «Я давно и прочно объевропеилась... и этого фольклора совершенно не переношу». Вы ударили сразу и по «фольклору», и по «национальной культуре» — двум объективным ценностям фундаментального значения. Но разве русская культура не часть общеевропейской? Разве все великие деятели русской культуры, начиная с Пушкина, не строили ее — вполне сознательно — как одну из великих европейских национальных культур, в тесном общении с ними, с учетом и творческой переработкой их опыта? И Герцен, пожалуй, наиболее яркое тому доказательство. Но простите мне это «теоретическое» отступление от Вашего письма. Продолжаю отвечать на его пункты.

О Лекции и его лекциях. То, что эти лекции занимают всего 60 страниц, — для меня и новость, и разочарование. Когда я впервые начал разговор об этих лекциях с Натальей Борисовной, — это было еще при жизни Бориса Константиновича — она сказала мне, что «лекции» могут быть предоставлены «Литературному наследству» лишь после того, как они будут изданы отдельным изданием в Италии. Отсюда я и умозаключил, что объем лекций довольно значителен. Ведь 60 страниц — это не книга, а маленькая брошюра. Все же, однако, и эти 60 страниц нас сильно интересуют, да и не 60, а несколько больше. Ведь Н. Б. уже передала мне две лекции, когда я был последний раз в Париже, да и в московской части Архива Замятина сохранились — в черновиках — еще две лекции.³ Всего этого будет примерно 100—110 страниц, пять листов. Конечно, и это не книга, но это уже часть или раздел в проектируемом нами «замятинском томе». Это отнюдь не том «Из истории советской литературы 1920-х — 1930-х годов». Том этот уже вышел из печати (в нем: «Народ на войне» С. З. Федорченко, повесть А. Малышкина, автобиографический роман Ларисы Рейснер, пьеса А. Луначарского, первоначальная редакция «Страны Муравия» А. Твардовского, стихи Н. Асеева, переписка с писателями А. Воронского и Бориса Пастернака). В проекте «замятинского тома» (структура его сходна с нашим «бунинским томом», Вам, наверное, известным). Вот она — в предварительной схеме (sic!):

I. Художественная проза

«Атилла»

«Сенсация»

«Жизнь Ивана»

«Сюрприз» и др.⁴

II. Литературно-критические статьи

Лекции о литературе читателям в Петрограде в 1921 г.⁵

Гоголь

Чехов и др.

III. Воспоминания

«Арцыбашев»

Горький⁶

Блок

Сологуб и др.

IV. Инсценировки

«История одного города» Щедрина и др.

V. Переписка

Среди адресатов и корреспондентов Замятина более 250 имен — среди них А. Ахматова, Андрей Белый, М. Булгаков, О. Мандельштам, Б. Пастер-

нак, Б. Пильняк, М. Пришвин, А. Ремизов, Ф. Сологуб, О. Форш, К. Чуковский, Р. Якобсон и мн. другие.

Но «вытянуть» том легче всего «лекциями», почему я с такой настойчивостью вот уже несколько лет хлопочу о них. Мое глубокое убеждение, что иностранному читателю эти лекции малоинтересны, и я всегда удивлялся, что где-то в Италии нашелся издатель для них. Для русского же читателя лекции представляют значительный интерес. Но, повторяю, предварительное опубликование «лекций» на Западе — по-русски или в переводе на каком-либо языке — не может быть помехой для их появления в «Литературном наследстве». Как транспортировать лекции нам — подлинники или качественные ксерокопии — Наталья Борисовна знает. Ей говорила об этом и предварительно все устроила Наталья Ильина. Важно лишь знать, чтобы было дано согласие и чтобы Наталья Борисовна назвала время, когда к ней можно будет зайти за материалом.

О сроках «замятинского тома» говорить еще рано. Если «лекции» будут получены, они, вероятно, и решат — быть или не быть «замятинскому тому». Тогда и начнем работать над ними и определим сроки.

Я бы очень был Вам благодарен, дорогая Татьяна Алексеевна, если бы Вы дали себе труд ознакомить Наталью Борисовну с относящейся к ней частью этого письма. Вместе с тем прошу передать ей и ее мужу привет и лучшие пожелания от Т. М. и меня. Вас я прошу извинить за безобразно длинное письмо.

Всего Вам доброго.

Т. М. кланяется Вам.

С глубоким уважением

Ваш С. Макашин.

Р. С. Я совсем не помню, когда и кому я говорил об архиве Осоргина в ЦГАЛИ. Вероятно, я говорил об этом, а скорее всего, писал как раз Наталье Борисовне. И говорил я, вероятно, со слов директора ЦГАЛИ Н. Б. Волковой. Я благодарю Вас за разъяснение сути дела и, конечно, приму к исполнению Вашу просьбу.⁷ С. А.

¹ См.: Огарев, Бакунин и Н. А. Герцен-дочь в «нечаевской» истории (1870 г.) / Статья и публ. С. В. Житомирской и Н. М. Пирумовой // Лит. наследство. Т. 96. С. 413—546.

² Речь идет о публикации: *Confino M. Bakounin et Nechaev* // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Paris, 1966. Vol. VII. № 4.

³ Имеются в виду лекции по русской литературе конца XIX—начала XX века (М. П. Арцыбашев, В. В. Вересаев, М. Горький, А. С. Серафимович, Скиталец, Н. Д. Телешев, С. С. Юшкевич), читавшиеся Е. И. Замятым в Ленинградском педагогическом институте в 1919—1920 годах и не имеющие отношения к лекциям «Техника художественной прозы» в Доме искусств (хранятся: ОРХИ ИМЛИ. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 175, 177—178).

⁴ Перечислены драматические произведения, инсценировки и либретто Е. И. Замятина (Там же).

⁵ См. прим. 3.

⁶ О М. П. Арцыбашеве и М. Горьком см. прим. 3. А. А. Блоку и Ф. Сологубу посвящены статьи и воспоминания Е. И. Замятина, к настоящему времени опубликованные (Там же).

⁷ См. прим. 2 к документу 2. В письме к С. А. Макашину Т. А. Бакунина-Осоргина 23 января 1977 года писала, что фонд М. А. Осоргина был передан в РГАЛИ «помимо моей воли» (НА ТГОМ. Р-13. Оп. 1. № 479).

5

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

Евгений Замятин. Материалы и исследования

Содержание тома:

Творческий портрет Евг. Замятина. Статья О. Н. Михайлова.¹Трифонов Н. А. Замятин и Горький. К характеристике отношений. Публикация источников, предисловие и комментарии.²А. М. Ремизов в переписке с Замятиным. 13 писем. Публикация, предисловие и комментарий М. Чудаковой.³Второстепенные реалисты. Чехов и мы. Статьи Замятина. Публикация, комментарий Л. К. Кувановой.⁴История одного города. Щедрин и Замятин. Вступительная статья, публикация и комментарии С. А. Макашина.⁵Письма Замятина к Чуковскому. Выдержки из дневника. Публикация и комментарий Е. Ц. Чуковской.⁶Замятин и Шапорин. К постановке «Блохи». Публикация и комментарий В. Васиной-Гроссман.⁷Переписка Замятина с Пильняком. Предисловие, публикация и комментарий Г. А. Белой.⁸В. А. Каверин. Странички воспоминаний.⁹Письма Замятина к родным. Предисловие, публикация и комментарий А. Н. Стрижева.¹⁰Шейн А. А. Из архива Калифорнийского университета.¹¹Замятин. История русской литературы. Лекции. Публикация, комментарий С. А. Макашина.¹²

Замятин — редактор Уэллса (тема).

Замятин и молодые советские прозаики (Чапыгин, Яковлев и др.).

Библиография произведений Замятина и литература о нем.

Том будет иллюстрирован редкими photographиями, снимками с автографов и деловых бумаг.

¹ Михайлов Олег Николаевич (род. 1932) — литературовед, прозаик.² О Трифонове Н. А. см. прим. 46 к документу 1. Упомянутые материалы опубликованы позднее: *Примочкина Н. Н.* М. Горький и Е. Замятин: (К истории литературных взаимоотношений) // *Русская литература*. 1987. № 4.³ Письма Е. И. Замятина А. М. Ремизову опубликованы только по фондам ОР ИРЛИ (см.: «Автобиография» Е. И. Замятина; Письма Е. И. Замятина к А. М. Ремизову / Публ. В. В. Бузник // *Русская литература*. 1992. № 1) и Бахметевского архива Колумбийского университета (см.: [Shane A.] *Two Letters from Remizov to Zamyatin* // *Russian Literature Triquarterly*. Ann Arbor, 1972. № 2). Чудакова Мариэтта Омаровна (род. 1937) — литературовед, прозаик.⁴ «Второстепенные реалисты» — подзаголовок лекций Е. И. Замятина (см. прим. 3 к документу 4). Заметки «Чехов и мы» не являются частью этого лекционного курса. Куванова Людмила Кирилловна (1909—1998) — архивист.⁵ Инсценировка «История одного города» опубликована А. Ю. Галушкиным: *Странник: Литература. Искусство. Политика*. 1991. Вып. 1.⁶ Переписку Е. И. Замятина и К. И. Чуковского см.: Е. И. Замятин и К. И. Чуковский: Переписка. (1918—1928) / Вступ. статья, публ. и коммент. А. Ю. Галушкина // *Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации* / Сост. М. Ю. Любимова. СПб., 2002. Чуковская Елена Цезаревна (род. 1931) — литературовед.⁷ Шапорин Юрий Александрович (1887—1966), композитор; автор музыки к постановке замятинской «Блохи» в ленинградском БДТ. Васина-Гроссман Вера Андреевна (1908—1990) — музыковед.⁸ Наиболее полный вариант этой переписки: «...Мне сейчас хочется тебе сказать...»: Из переписки Бор. Пильняка и Евг. Замятина с Конст. Фединым / Публ. Н. К. Феединой; [Вступ.

ст. и комм.] А. Н. Старкова. См. также: Любимова М. Ю. Е. И. Замятин и Б. А. Пильняк: (Материалы к биографии) // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. СПб., 1994. Белая Галина Андреевна (1931—2004) — литературовед.

⁹ Каверин Вениамин Александрович (1902—1989) — писатель, ученик Е. И. Замятина по литературной студии Дома искусств. Е. И. Замятину посвящены лишь отдельные фрагменты его опубликованных мемуарных текстов.

¹⁰ Эти письма появились в печати позднее: Из переписки с родными / Публ. А. Н. Стрижева // Наше наследие=Our Heritage. 1989. № 1.

¹¹ Alex M. Shane — американский славист. С. А. Макашин имеет в виду архив Колумбийского университета.

¹² См. прим. 3 к документу 4.